

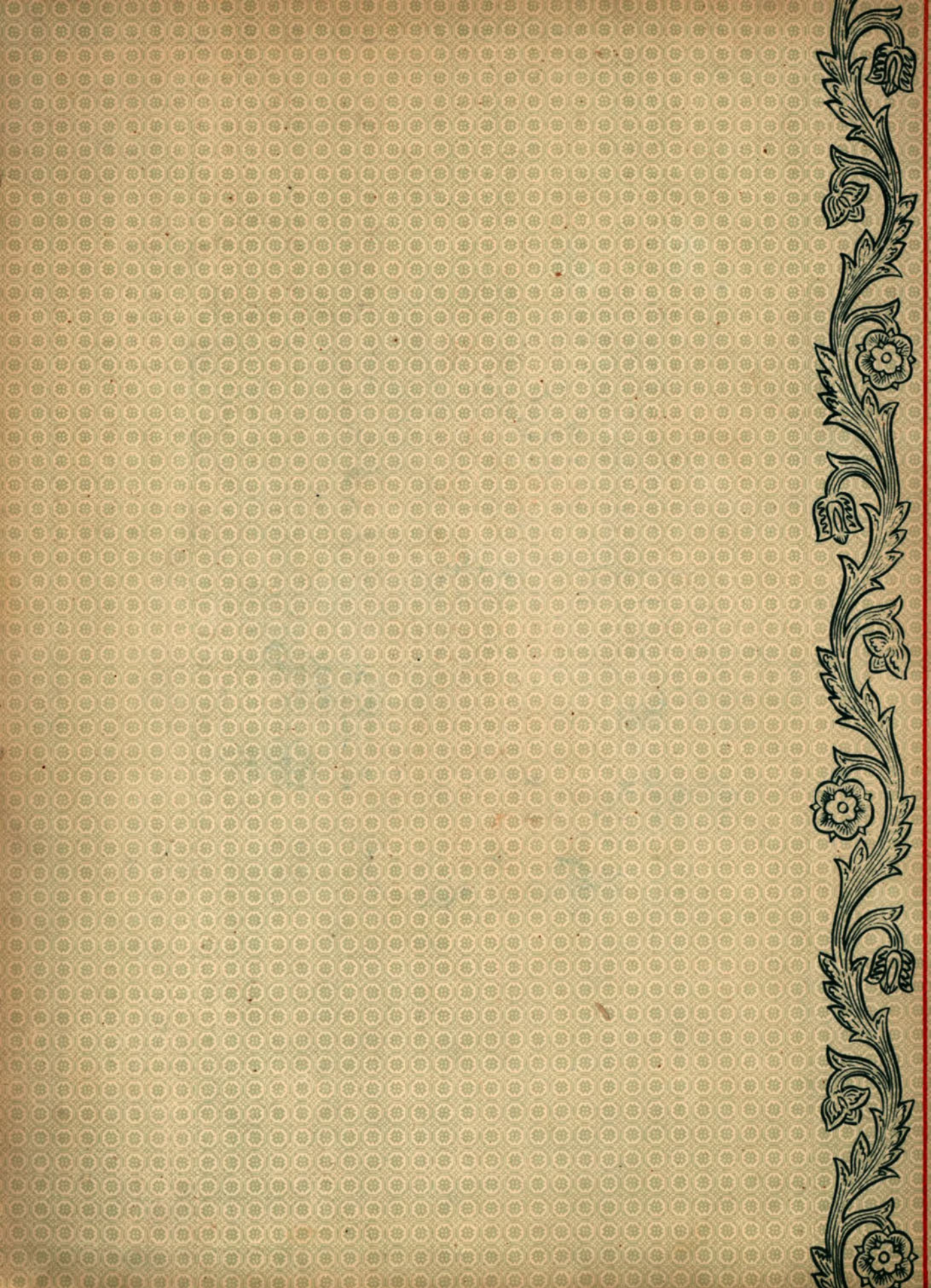
П.ЦВИРКА

СКАЗКИ
НЕМАНСКОГО
КРАЯ

ЦЕНА 6 РБ. 70 КП.

П.ЦВИРКА

СКАЗКИ НЕМАНСКОГО КРАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ ЛИТОВСКОЙ ССР

ПЕРЕВОД О. И ОДЕЛЕНЕ
РИСУНКИ Д. ТАРАБИЛДЕНЕ

ДУРОЧКА И ЛАУМЕ¹

В одной деревне жили три сестры — двух люди считали умными, а третью — дурочкой. С ними жил и брат Бебенчюкас. Он был веселый, ловкий парень. Сам сплел Бебенчюкас себе сеть, купил челн и стал день-деньской на озере проводить, рыбу ловить.

Когда наступало время обедать, сестры посылали дурочку с горшочком ухи на озеро к брату. Дурочка с берега звала:

— Бебенчюк, греби сюда, я тебе дам вареной рыбки, а ты мне дай сырой.

Бебенчюкас подплывал на лодке к берегу, съедал уху из горшочка, отдавал сестре весь улов и опять уплывал дальше по озеру.

Однажды лауме, купаясь в озере, услышала, как дурочка брата звала, и сама стала звать:

¹ Волшебница, ведьма.

— Бебенчук, гребни сюда, я тебе дам вареной рыбки, а ты мне дашь сырой рыбы!

Бебенчукас услышал голос лауме и говорит:

— Нет, у моей сестрицы голос тоненький, а у тебя грубый. Это не моя сестрица, не приплыву!

Тогда лауме пошла к кузнецу и говорит ему:

— Кузнец, кузнец, скуй мне язык потоньше!

— Клади на наковальню! — говорит кузнец и взялся за молот.

Лауме положила язык на наковальню: кузнец с одного маху сковал ей язык потоньше. Вернулась лауме на озеро и опять выкликает:

— Бебенчук, гребни сюда, я тебе дам вареной рыбки, а ты мне дай сырой:

Бебенчукас думал, что его зовет сестра, и подплыл к берегу. Лауме выскочила из тростника, схватила Бебенчукаса, замотала ему голову платком и понесла чрез поля, чрез леса и болота к себе.

В обед дурочка, как всегда, вышла на озеро и стала кликать:

— Бебенчук, гребни ко мне, я дам тебе вареной рыбки, а ты мне дашь сырой!

Звала-звала, кричала-кричала, однако никто не отозвался. Пошла она вдоль берега и нашла в камышах братнин челнок. Тут же лежали его сеть и клумпи¹.

Решила дурочка, что брат утонул. Хотела было бежать к сестрам — рассказать, как вдруг из челнока раздался голос:

— Пусти меня в озеро, я тебе скажу, где Бебенчукас.

¹ Деревянные башмаки.

Заглянула дурочка в челнок, видит — в сетях маленькая рыбка запуталась. Пожалела ее дурочка и пустила в озеро. Рыбка через минутку выплыла и говорит:

— Спасибо тебе за твое добро. А теперь, если хочешь найти Бебемчюкаса, ступай по большой дороге. Пройдешь лес, увидишь яблоню, за яблоней возьми в гору. А на горе, на самой вершине, бурая корова пасется. Пройдешь мимо коровы, спустишься по тропе в долину. Там стоит квашня, а за квашней быстрая речка течет. Пройдешь по кладке через речку, а там увидишь маленькую избушку. Она из мятлицы сделана, папоротником крыта. Там и найдешь своего брата.

Вернулась дурочка домой и рассказала все сестрам. Старшая сестра оделась, обула новые башмаки и говорит:

— Хоть и трудно верить всем этим рассказам, однако пойду и все толком разузнаю.

Отправилась она в путь и все так нашла, как дурочка рассказала. За лесом у дороги стояла дикая яблоня. Яблоня нагнула свою верхушку и спросила:

— Девушка, девушка, куда идешь?

— Я иду братца искать.

— Потряси меня, девушка, облегчи моим веткам их пошу! — попросила яблоня.

— Некогда мне. Пускай тебя пастухи трясут, — отрезала старшая сестра и пошла дальше.

Она поднялась на гору и видит, — на самой вершине пасется бурая корова. Корова и спрашивает:

— Девушка, девушка, куда спешишь?

— Я спешу братца искать.

— Подой меня, отведай моего молока! — попросила корова.

— Некогда мне тебя доить, твое молоко пить! — ответила старшая сестра и бегом пустилась под гору. В долине она увидела квашню с тестом. Из квашни донесся глухой голос заквашенного теста:

— Девушка, девушка, куда ты бежишь?

— Братца нскать, — отвечает та.

— Пожалей меня, испеки меня, пригожая!

— Некогда мне тебя печь, — ответила старшая сестра, — не видишь разве, как я тороплюсь?

Она оставила заквашенное тесто в квашне и вот добежала до быстрой речки. Как только старшая сестра ступила на перекладину, исхоженная, замызганная доска заскрипела:

— Девушка, красавица, вымой меня, **выскобли** меня...

Старшая сестра пробежала по доске и, даже не обернувшись, буркнула:

— Вот еще что выдумала! Стану я такое старое, никудышное бревно мыть да чистить!

Наконец, подбежала она к старой избушке, из мятлицы сделанной, папоротником крытой. Старшая сестра смело вошла в избушку. Оглянувшись, видит: за столом сидит лауме; одним плечом она прислонилась к одной стене избы, другим — к другой. Левой рукой весь стол покрыла, а нижняя губа до самого пола отвисла. Бебенчюкас лежит под кроватью, а на кровати дремлет черная собаченка.

— Ты зачем сюда пришла, зачем суешь свой нос, куда не след? — спросила лауме и шевельнула длинной губой.

— Я ходила по ягоды, тетенька, да заблудилась в лесу, замерзла, вот и забежала сюда обогреться, — ответила старшая сестра.

— Ладно, пока обогреешься, расчеши-ка мне волосы, — приказала лауме.

Делать было нечего: взяла старшая сестра гребень, села возле длиннотубой и стала ее причесывать. Чесала-чесала, глаза у лауме мало-помалу стали слипаться; скоро она и во все задремала. Тогда девушка встала, сняла с полки горшок, накрыла им черную собаченку, вытащила из-под кровати Бебенчюкаса и бросилась с ним бежать.

Пробежали они с полдороги, вдруг слышат — лауме за ними гонится: железные клумпы — тук, тук, тук — земля дрожит. Подбежала лауме к перекладине, спрашивает ее:

— Не увела ли девушка с собой Бебенчюкаса?

— Увела! — ответила перекладина.

Лауме пустилась бежать еще быстрее. Черная собачка бежит впереди, след вынюхивает, а лауме с распущенными волосами мчится за ней, железными клумпами стучит. Подбежала она к квашне и спрашивает:

— Тесто, тесто, скажи, не увела ли девушка с собой Бебенчюкаса?

— Увела. Беги скорей, авось еще догонишь! — ответил голос из квашни.

Еще сильней припустила лауме, скачет, мчится, а из-под ее железных клумпий искры так и брызжут. Подбежала она к корове и спрашивает:

— Коровушка, коровушка, скажи, не увела ли с собой девушку брата?

— Только что мимо пробежали. Коли резвее побежишь, тотчас поймаешь.

Поднатужилась лауме, прыгнула с горы и у самой яблони

схватила Бебенчюкаса с сестрой. Обоих засунула в мешок, приволокла домой и затолкала под кровать.

Не дождавшись старшей сестры, пошла искать Бебенчюкаса вторая сестра. Шла, шла и подошла к яблоне. Яблоня просила девушку потрясти ее ветки — та не потрясла, корова просила ее подоить — не подоила, тесто просило его испечь — не испекла, перекладина просила ее вымыть — не вымыла. Не привела назад брата и вторая сестра. Поймала и ее лауме, приволокла домой и сунула под кровать.

Пошла теперь дурочка Бебенчюкаса искать. Подошла к яблоне — ветки потрясла, корову — подоила, еще сама парного молока напилась, тесто на горячем солнышке испекла, да еще маленький поскребышек себе оставила, перекладину чисто-на-чисто вымыла. Пришла в избушку к лауме. Лауме сидит за столом, одно ее плечо одну стенку подпирает, другое — другую стенку. Видит дурочка: под кроватью лежат обе сестры и Бебенчюкас.

— Ты зачем сюда пришла, зачем свой нос суешь, куда не след? — спросила дурочку лауме.

— Я за орехами ходила, тетенька, да тут дождь пошел. Промокла я насквозь, вот и зашла обсушиться.

— Ладно, пока будешь сушиться, можешь мне волосы расчесать, — сказала лауме.

Взяла дурочка гребень, села возле длиннотубой и стала ей волосы расчесывать. Чесала-чесала, лауме жмурилась, жмурилась да и заснула. Тогда дурочка потихоньку встала, сняла с полки горшок, накрыла им черную собачонку, вытащила из-под кровати Бебенчюкаса, обеих сестер и кинулась с ними бежать.

Пробежали они с полпути, слышат — земля — дун-дун-

дун. Это лауме следом за ними бежит, железными клумпами стучит-гремит. Подбежала лауме к перекладине и спрашивает ее:

— Не увела ли тут девушка Бебенчюкаса и своих сестер?

— Я не видала, — ответила перекладина.

А как только черная собачонка бросилась на мосток следы нюхать, перекладина — шась — и встала на дыбы. Не знает лауме, как реку перейти: бежит сюда — глубина, бежит туда — быстрина. Искала, искала, еле нашла, где помельче — бухнулась в воду, перешла речку вброд, а ее собачонка — бульк, бульк — переплыла речку, и опять обе погнались. Подбежали к квашне, а вокруг нее испеченные караваи хлеба лежат.

— Хлебушко, хлебушко, ржаного да пшеничного колоса братец, скажи, не пробегали ли тут девушки с Бебенчюкасом?

— Нет не видал! — ответил хлеб. И как только лауме пустилась было дальше бежать, хлебные караваи поднялись перед ней целыми горами, ходу не дают. ~~Карава~~еется лауме, хочет взобраться на одну гору — не может — железные клумпы скользят, подскочила к другой горе — вниз сползает. Добрый час лауме билась, пока, наконец, взобралась на горы, прошла их все и поднялась на самую высокую вершину, где паслась корова.

— Коровушка, коровушка, скажи мне, не пробегали ли тут сестры с Бебенчюкасом? — спросила лауме, едва переводя дух.

— Не видала, — ответила корова.

Когда лауме хотела дальше бежать, буренка из ноздрей в гору подула, пыль с песком вихрем подняла: в двух шагах ни

зги не видать. Пока пыль осела, лауме добрый час промешкала, а ее собачонка только чихала и кашляла. Наконец, лауме добежала до яблони.

— Яблонька, сердечко, скажи, не пробегал ли тут Бебенчюкас?

— Нет, не видала! — ответила яблоня. Лауме бросилась было дальше, да яблоня распустила свои ветви, раскинула их на десять верст вокруг себя. Пока лауме сквозь ветви продиралась, все лицо и руки исцарапала, глаза себе повыколола. А когда она, наконец, пробралась сквозь ветви, уже не догнала дурочки. Так дурочка спасла брата и сестер.

С тех пор дурочку никто больше дурочкой не зовет, а Бебенчюкас попрежнему на озере рыбачит.

МЕДВЕЖЬЯ ЛАПА

или-были старичек со старушкой. Ничего у них не было, жили бедно.

Вот раз и говорит старушка:

— Старик, старик, сходил бы ты в лес, авось там какой-нибудь листок либо щавелю стебелек найдешь — шей сварим, все с голоду не порем.

Взял старик лукошко и пошел в лес. Ходил-бродил весь день по лесу, да ничего не нашел. Повернул он к дому, вдруг глянул на кучу хвороста, видит — там медведь лежит. А у старика был с собой нож. Подкрался он потихоньку к косолапому, и острым ножом отхватил у медведя добрый кусок ноги. Медведь и не шевельнулся. Положил старик медвежью лапу в лукошко и побрел домой.

— Ничего хорошего не нашел, старуха, — сказал старик, — только вот кусок медвежьей ноги: сварим, все с голоду не порем.

Старуха обрадовалась, печь затопила, еще шерсть с медвежьей лапы сняла и свила кудель — будут и варежки. А мясо поставила в печь варить.

— Ты, старик, за огнем последи, а я прясть буду, — говорит старуха.

А медведь тем временем проснулся в лесу, хватъ, а ноги то и нет!

Косолапый топ, топ, топ, — пошел по старнковым следам и пришел к его дому. Встал у ворот и затянул песню:

Вся земля спит,
Все птицы спят,
Один старик не спит —
Мое мясо варит;
Одна старуха не спит —
Мою шерсть прядет...

Услыхала старушка, как медведь поет, и говорит:

— Старик, старик, медведь за воротами!

— Что тут, старуха, болтаешь, — отозвался старик, а сам все хворосту в печку подкладывает, мясо варит.

А медведь в дверь лапами стук да стук — и опять свое:

Вся земля спит,
Все птицы спят,
Один старик не спит —
Мое мясо варит;
Одна старуха не спит —
Мою шерсть прядет...

— Ой, старик, медведь, медведь! — в испуге кричит старуха. — Уж дверь отдирает, уже в избу входит!

Starobitzi-51

Испугался старик, залез под кровать, а старуха за печку, за дрова спряталась. А медведь вошел в избу, оглянулся, вытащил из горшка лапу, приложил, залечил, шерстью обложил. Потом стал искать старика со старухой. Старушку нашел за печкой. Потаскал, потаскал — потом всю целиком проглотил да еще приговаривает:

— Будешь теперь знать, как мою шерсть прясть!

Стал медведь дальше искать, нашел и старика под кроватью. Потаскал его, поворчал, потом проглотил и старика целиком да еще приговаривает:

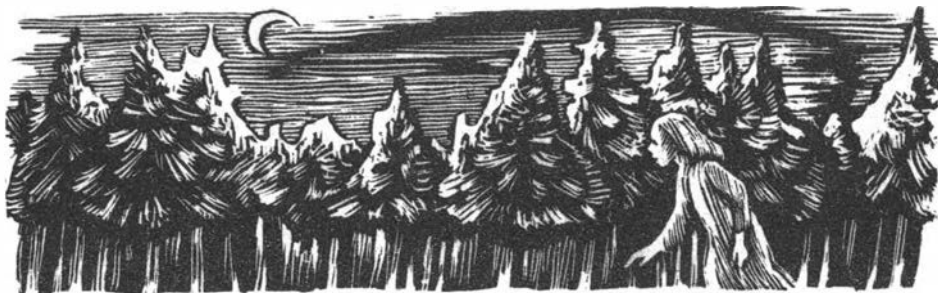
— Будешь знать, как мою лапу варить!

Очнулись старик со старухой, видят: оми в животе у медведя сидят.

Старик не растерялся и говорит:

— Знаешь что, старуха, давай медвежье брюхо сварим. Все с голоду не помрем.

ТРИ СИРОТКИ

или отец с матерью. У них было три дочки. Собрались однажды отец с матерью в гости, а дочки дома остались.

По дороге мать захворала и умерла. Что было делать бедному человеку? Похоронил он жену и вернулся домой вдовцом. А чтобы девочки не плакали, отец решил утаить от них смерть матери.

Когда он вернулся домой, дочери спросили:

— А где же наша матушка?

Отец опустил глаза и, не глядя на дочек, говорит:

— Не плачьте, доченьки, мама приедет, гостинцев вам привезет.

Ждали дочки день, другой, ждали неделю, месяц, а матери всё нет, как нет. Плачут девочки целыми днями, по матери тоскуют.

Через год отец женился на другой. Тогда дети поняли, что их матушки уже и на свете нет.

Один раз старшая дочь говорит младшим:

— Послушайте-ка, сестрицы! Я ночью видела чудной сон. Приснилось мне, будто явилась ко мне матушка, и будто она сказала, что похоронена она в зеленом лесочке, в глубокой яме, под белой березой, под зеленым мхом.

Тут мачеха услышала, как сестры между собой шепчутся, и стала их бранить.

— Вот как я встану да отколочу вас хорошенько, перестанете тогда пустые сны пересказывать!

Обидно было дочкам слушать мачехину ругань. Стали они потихоньку причитать:

— Матушка ты дорогая, не чаяли мы, что малыми детьми-сиротками останемся, что мачеха будет нас бить да ругать!..

Легли опечалённые сестры спать. Но не успели они глаз сомкнуть, не успели заснуть, как приснилась им родимая матушка.

— Ой, мои доченьки, — сказала мать им во сне, — все то я слышу, все то я ваше горе горькое вижу, да только ничем пособить не могу. Приходить я к вам могу только темной ночью, когда вы сладко спите...

Проснулись все три сестры и уселись в кружок. Старшая говорит:

— Сестрицы, опять я матушку нашу дорогую во сне видела. Вы оставайтесь дома, а я в темный лес пойду, стану под белой березой, буду нашу матушку звать.

Пошла старшая сестра в темный лес. Бродит по лесу и все об одном думает:

«Как же мне признать березку, под которой матушка ле-

жит? Плакучая ли это береза с опущенными ветками, или высокая да прямая? Кабы я ту березку узнала, я бы под ней стала да матушку бы позвала».

Шла, шла старшая сестра, наконец, стала под самой высокой березой и начала жалобно-прежалобно звать:

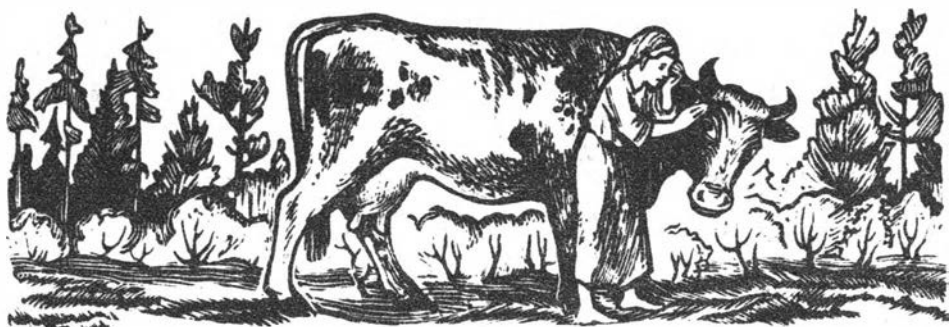
— Где ты, наша матушка? Встань, сядь со мной рядом, скажи-расскажи, как нам трем сироткам горе мыкать, как без тебя нам на свете жить?

Долго плакала старшая сестра. Но вот зашумели на березе листья, закрипел ствол, поднялись черные корни и показалось ей, будто мать села рядом, взяла ее за руки и заговорила:

— Доченьки вы мои милые, одна другую слушайте, одна другую учите, друг дружке помогайте, а я уж больше домой не приду. Вернись, доченька, домой, да скажи своим сестрам, чтобы они не горевали, понапрасну слез не проливали. Отца с мачехой слушайте, а как вырастете, другим помогайте и старого отца с мачехой не оставляйте.

Промолвила матушка эти слова и исчезла как сон. А старшая дочка домой вернулась к своим сестрам, к отцу, к мачехе. . .

ЗОЛОТАЯ ЯБЛОНЯ

или-были старик со старушкой. У них была дочка, Оните. Когда старики умерли, и Оните осиротела, нанялась она в богатый дом пастушкой. Хозяйка своих дочек холила да нежила, а Оните приставила корову пасти и работать с утра до поздней ночи.

Вот один раз хозяйка захотела, чтобы Оните за один день напярла и наткала десять связок льна.

Выгнала сиротка корову в поле, обняла ее шею и заплакала.

Корова спрашивает:

— О чем ты плачешь?

Оните говорит:

— Как же мне не плакать, не вздыхать? Хозяйка велела мне за один день напярсть и выткать десять связок льна.

— Подуй мне в одно ухо — будет спрядено, подуй в другое — будет выткано, — говорит корова.

Сиротка подула корове в одно ухо — вот и пряжа! Подула в другое — вот и холсты! Вечером девочка снесла ткань хозяйке.

На другой день хозяйка и говорит Оните:

— Вот тебе холстина: скрой и сшей из нее десять рубах, да смотри, чтобы к вечеру все были готовы!

Сиротка выгнала корову в поле, обняла ее за шею и заплакала.

Корова спрашивает:

— О чем ты плачешь, о чем так горестно вздыхаешь?

— Как мне не плакать, когда мне велено за один день сшить десять рубах, — пожаловалась Оните.

Корова и говорит:

— Подуй мне в одно ухо — будет скроено, подуй в другое — будет сшито.

Оните так и сделала. А хозяйкины дочки тем временем за дерево спрятались да и подглядели, как Оните кроит и шьет. Они все видели и тотчас матери рассказали.

Хозяйка разгневалась и крикнула на Оните:

— А, так-то ты кроишь да шьешь? Вот зарежем корову, и тебе самой придется работать.

Оните пошла к корове, обняла ее за шею и говорит, горькими слезами обливается:

— Коровушка, буренушка, тебя зарезать хотят. Что мне делать, как тебя спасти?

— Пусть режут, — говорит корова. — Только, как станешь мои косточки промывать, найдешь в них два золотых зерна. Ты их и посади, одно справа от ворот, на кочке, другое — слева.

Когда корову зарезали, Оните, перемывая косточки, нашла в них два золотых зерна. Она их посадила там, где указала корова. Из одного зерна выросла золотая яблоня, а другое стало колодцем, полным вина.

Но никто не мог ни яблок нарвать с золотой яблони, ни вина зачерпнуть из колодца. Разошлась весть по людям о чудесных золотых яблоках и удивительном колодце вина. И стал народ валить в тот двор со всех сторон. Однажды приехал удалец-молодец из дальних краев и говорит:

— Та девушка, которая нарвет для меня золотых яблок и зачерпнет вина, станет моей женой.

Хозяйка сразу же послала свою старшую дочь. Но как только та потянулась к яблокам, ветки мигом поднялись вверх — не достать! Как только она опустила в колодец кувшин — вина зачерпнуть, вино в колодце и опустилось до самого дна.

Хозяйка послала младшую дочь, но и та ничего не добилась. Поневоле пришлось хозяйке послать Оните.

Как только сиротка подошла к яблоне — ветки дерева опустились до земли, как только она приблизилась к колодцу — вино поднялось до самых краев. Оните зачерпнула вина, нарвала яблок и поднесла молодцу. На прощание молодец подарил Оните янтарные башмачки.

Как только молодец со сватами уехал, хозяйка схватила Оните, затащила ее в баню и накрыла кадкой. А в янтарные башмачки обула свою старшую дочь.

На другой день приехал молодец, посадил к себе в карету хозяйкину дочь и поехал домой. Едет, а по полю заяц бежит и поет:

**У Оните ножки — крошки,
Впору ей алмазные сапожки...
А у хозяйкиной дочки ноги велики,
Недаром в крови янтарные башмачки.**

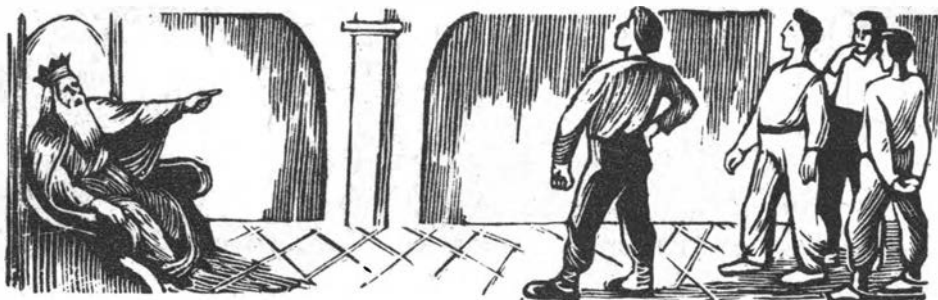
Но жених дальше едет. Подъехал к лесу, а в лесу кукушка опять то же кукует. Молодой приостановил коня, поглядел на невестины ноги, видит: полны крови янтарные башмачки.

Ссадил он тогда хозяйкину дочь с кареты и вернулся искать Оните. Искал — искал и, наконец, нашел Оните в бане, под кадкой, взял ее с собой и поехал домой.

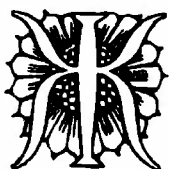
Немного отъехали, смотрят — золотая яблоня и колодец за ними следом движутся. Привел молодец жену молодую в свой дом, а золотая яблоня встала по одну сторону ворот, колодец — по другую.

Долго они жили — поживали и, когда хотели, яблоки рвали, и вино попивали.

КАК МЕСЯЦ ЗВЕЗДЕ ПОКЛОНИЛСЯ

ил-был один барин. И был у него батрак. Вот раз барину приснилось, будто месяц звезде поклонился. Никто не мог этого сна разгадать. «Вот придет с работы батрак, — подумал барин, — он мне этот сон разгадает!»

Пришел батрак с работы, и барин рассказал ему про сон. Задумался батрак и говорит:

— Этот сон означает, что придет такое время, когда ты, барин, мне, батраку, поклонишься.

Рассердился барин за такие слова, схватил в сердцах топор и метнул в батрака. Да не попал — топор в стене застрял, а батрак вон выбежал.

Спрятался батрак в хлеву и всю ночь там просидел. Утром пришла старая скотница, стала коров доить, а сама охает и приговаривает:

— Эх беда, беда! Один был в имении хороший человек, и того выгнали.

Батрак все это слышал, вышел из своего укромного уголка и говорит:

— Я здесь, бабушка! Не тужи! Еще придет время, когда месяц звезде поклонится!

Посмотрела скотница на батрака и говорит:

— Беги отсюда, сынок, не оставайся ни часа. А то тебя барин убьет.

Ушел батрак из имения. Долго бродил по окрестным местам. И вот однажды видит: бежит человек, а к ногам его поленья привязаны. Батрак спрашивает:

— Почему ты бежишь с поленьями на ногах?

А тот отвечает:

— Я бегу от большого веселья. А чтобы не слишком далеко забежать, привязал к ногам по полену.

— Давай вместе путь держать.

— Давай.

Пошли они вместе; шли, шли, вдруг видят — стоит человек и березу грызет.

— Ты что тут делаешь? — спросили оба.

— Да маленько проголодался, вот и закусываю.

— Пойдем-ка с нами, я тебе получше еды достану, — говорит батрак.

— Ладно.

Пошли втроем. Видят: припал человек к озеру, пьет. А вода в озере все убывает да убывает.

— Ты что это тут делаешь?

— Маленько в горле пересохло, вот и решил воды глот-

нуть. Да только этого озера мне не хватит, придется другое поискать.

— Пойдем с нами!

— Пошли!

Идут вчетвером. По дороге приняли себе в компанию еще троих: один за семь верст комара мог увидеть. Другой к земле ухо приложит и слышит, как гравя растет. Третий держит во рту палец и чуть его изо рта вынет — сразу ударят морозы и становится холодно.

Долго ли, коротко ли шли они по дороге и добрались, наконец, до большого города. А в том городе жил грозный король. Недавно король объявил, что каждый чужестранец, который переступит границу его королевства, должен выполнить три трудных дела. Кто не выполнит, тот погибнет от руки палача.

Как только батрак и его товарищи вошли в город, их тотчас схватили и привели к королю.

Батрак сказал:

— Мы исполним три трудных дела.

Король велел им выполнить первое дело — бежать вперегонки с его бегунами.

И вот помчались королевские бегуны-скороходы, быстрые, как серны. А с ними наперегонки побежал тот, что поленья к ногам привязывал. Народ его и спрашивает, зачем ему эти поленья?

— Так мне лучше! — ответил бегун, а сам, как только пустился бежать, мигом обогнал королевских бегунов-скороходов и первым прибежал в назначенное место.

Велел тогда король батраку выполнить второе дело: поставил часы за сто верст от него и велел сказать, который час.

Батрак позвал своих товарищей. Один разглядел за сто

верст часы, а другой услышал, как они бьют; оба потихоньку все это сказали батраку, а тот и говорит королю:

— Часы показывают десять, а бьют двенадцать.

Это было правда, потому что король так и велел наладить их.

Третье дело, которое велел исполнить король, было такое: за одну ночь съесть всю пищу, которая находилась в королевском замке.

Взял батрак того, что березу грыз, и спустился с ним в подвалы замка.

Как только они вошли, человек, который грыз березу, осмотрелся и сказал батраку

— Скорей закусывай, а то я как начну, ни крошки не оставлю.

Разинул рот и вмиг все съел. Даже все тарелки проглотил.

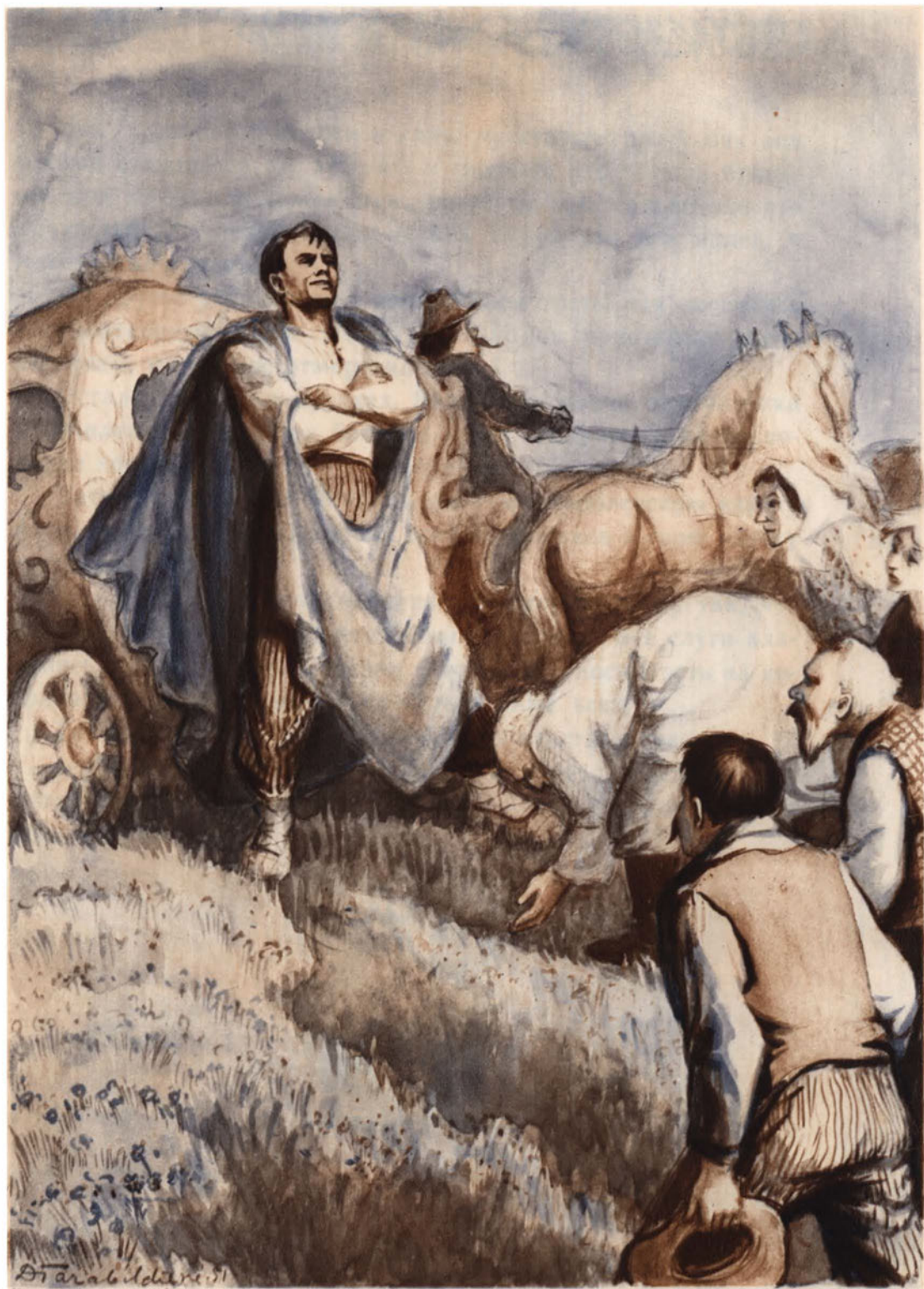
Так все три трудных дела были сделаны. Но грозный король все не хотел батрака отпустить и велел ему напоследок четвертое дело сделать: за одну ночь целый погреб вина выпить.

Спустился батрак с товарищем в подземелье. Там стояли сотни бочек отборного вина. Тот, кто озера выпивал, облизнулся и сказал батраку:

— Пей скорей, а то я как начну пить, ни капельки не оставлю.

Так и случилось: как стал он пить, все вино выпил, да еще не хватило. Выбежал наружу и целый пруд вместе с тиной осушил.

Но королю все не хотелось отпускать батрака и его товарищей. Зазвал он их в светлицу и крепко-накрепко запер на ключ.

Вот сидят они взаперти и вдруг чувствуют: пол у них под ногами становится все горячее и горячее. Это король приказал под железным полом огонь развести. Как только они это почувствовали, тотчас один из них вынул изо рта палец, и мигом стало холодно.

На другое утро пришел король посмотреть, как испеклись его непокорные гости. Но как только он приоткрыл дверь светлицы, мигом нос отморозил.

Остался король в дураках. Видит, что никак ему батрака не одолеть. Спросил он батрака и его товарищей, какие подарки хотели бы они от него получить?

Батрак сказал, что хотел бы получить королевскую карету и пару рысаков. Велел король запрячь рысаков в свою карету и отдать батраку.

Сел батрак в карету и поехал. И тут случилось так, что он проезжал по земле своего бывшего барина. Все слуги кланялись при виде кареты. Барин тоже вышел посмотреть на королевскую карету и давай кланяться ниже всех.

Тут батрак узнал барина, вышел из кареты и говорит:

— Видишь, барин, ты хотел меня убить, а ведь я тебе правильно сон растолковал: вот ты и кланяешься мне, как я предсказывал.

ЧЕЛОВЕК, ЧОРТ И ГРОМ

ил-был один парень. Обучился он плотничьему ремеслу и пошел бродить по белу свету — счастья искать. По дороге нагнал попутчика и спрашивает:

— Кто ты такой и куда путь держишь?

А тот отвечает:

— Я — Гром. Бреду по белу свету да по сторонам поглядываю.

Пошли они дальше вместе, меж собой разговаривая, и нагнали еще одного путника. Тот признался им, что он — Чорт.

Идут теперь втроем. К вечеру они достигли леса. Тут им до смерти есть захотелось. Чорт и говорит:

— Я силен да проворен. Вмиг добуду вам и мяса и хлеба.

— А я как начну греметь и молнией сверкать, — сказал Гром, — всех зверей разгоню, чтобы после ужина мы могли спокойно выспаться.

Как уговорились, так и сделали: Чорт достал хлеба с мя-

сом, плотник все испек да поджарил, а Гром разогнал диких зверей.

Так они прожили с месяц.

Однажды плотник сказал:

— Знаете что? Давайте построим дом, будем жить, как люди.

Всем это понравилось и сразу же они принялись за работу. Чорт с Громом деревья валили и носили, а плотник их обтесывал. Вот и дом готов.

— Знаете что, — сказал плотник. — Теперь у нас кровля над головой есть, пора и о хлебе позаботиться!

Сказано — сделано. Тотчас выбрали они полоску земли; плотник, не мешкая, смастерил соху, запряг в нее своих товарищей и вышел в поле пахать. Пни, корни, камни — ему все было нипочем! Часу не прошло, как он все поле вспахал.

Чорт достал семян. Посеяли друзья ржи, пшеницы, гороху да еще репы посадили.

Когда репа поспела, повадился кто-то в поле ее таскать по ночам. Сговорились все трое поочередно каждую ночь караулить.

В первую ночь пошел Чорт. Слышит — приехал вор и репу — дерг, дерг! Чорт подскочил, хотел было вора схватить, да не тут-то было. Вор как стукнет его! Чорт еле-еле домой прибрёл.

Плотник и Гром пошли поутру на репу поглядеть. Видят: еще больше репы вырвано и увезено. Стали они Чорта бранить. А Чорт жалуется: маленько, мол, вздремнул, а вор тем временем, видно, и приходил.

На другую ночь пошел сторожить Гром. Но и ему не повезло. Вор так его отколотил, что бедняга еле цел ушел.

Утром плотник вышел в поле, увидел, что много репы по-выдергано и стал браниться. А Гром говорит:

— У меня зубы болели, всю ночь маялся. А как немножечко полегчало, я и вздремнул. Видно, вор в ту минуту и пробрался на поле.

На третью ночь пошел караулить сам плотник. Взял с собой скрипку, чтобы не заснуть, сидит на камне и наигрывает.

Ровно в полночь раздался стук, грохот. . . Подкатил к полю вор и закричал во все горло: «Пикш-покш, железный возок, проволочный кнутик».

Плотник стал еще веселей наигрывать. Вор услышал музыку, перестал щелкать кнутом, слез с телеги, встал возле музыканта и слушает. И тут плотник увидел, что это лауме.

— Добрый вечер! — проговорила она ласковым голосом. — Мне очень по сердцу твоя музыка. Пожалуйста, дай и мне поиграть.

Плотник подал ей скрипку. Взяла лауме смычок, водит и так и сяк, да все без толку. Вернула она скрипку плотнику и говорит:

— Научи меня играть!

— Что ж, — отвечает плотник, — это дело нехитрое, только надо сначала пальцы потоньше сделать.

Лауме согласилась.

Плотник принес топор, нашел большой пень, расщепил его и загнал в щель клин.

— Сунь сюда пальцы, — сказал плотник, — они тоньше станут.

Как только лауме засунула обе руки в щель, плотник взял и выдернул клин. И вмиг пальцы воровке защемило. Просится лауме отпустить ее. Но плотник принес проволочный

кнут и принялся стегать воровку. Отстегал ее, как следует, по спине и отпустил.

Лауме умчалась как ветер, а свой возок с проволочной плеткой оставила.

На заре пришли в поле Чорт и Гром. Смотрят — вся репа цела. Плотник и говорит товарищам:

— Эх, вы горе-молодцы! Баба обманула вас и высекла! Но я с ней за все сполна рассчитался. Не станет больше она воровать!

Гром с Чортом раньше думали, что плотник — так себе человечешко, а теперь они его стали бояться.

Через несколько лет надоело им втроем в одном доме жить, и решили они делиться: одному здесь оставаться, а двоим идти на чужой стороне счастья пытаться.

Но беда в том, что всем хотелось в этом доме остаться. Долго они спорили и, наконец, решили так: будут по ночам друг друга пугать. Кто выдержит и не испугается, тому и достанется дом и все хозяйство.

Сначала пошел пугать своих товарищей Чорт. В полночь поднял он такой вой, визг, крик, шум, что весь дом задрожал. Гром перепугался до смерти, — прыг в окно и убежал. А плотник не испугался. Он взял свою скрипку и давай на ней играть. Играл до рассвета. Гром в споре проиграл, а человек выиграл.

На другую ночь стал Гром пугать своих друзей. Как только стемнело, надвинулась черная зловещая туча, засверкали молнии, гром так гремел, что, казалось, земля пополам расколется и, наконец, хлынул проливной дождь. Домик затрещал и зашатался. Чорт со страху, чтобы громом его не убило, бросился к окну и убежал. А плотник, оставшись один, снова всю

ночь играл на скрипке. Так человек снова выиграл, а Чорт проиграл.

На третью ночь пошел пугать плотник. А Гром с Чортом остались дома, ждут: чем же плотник их напугает?

Плотник пошел в лес, нашел там возок, который лауме оставила, сел в него, взял проволочный кнут и покатил. И вот едет, кнутом помахивает и поет:

— Пикш-покш; железный возок, проволочный кнутик!

Услышали это Чорт с Громом и подумали, что это сама лауме катит. Испугались до смерти. Один прыгнул в окно, другой выскочил через трубу, и поминай как звали.

С той поры и остался плотник в доме хозяином.

ЧУДЕСНЫЙ РОДНИК

Жил-был однажды граф. Народ прозвал его чортом. Слуги и работники у него дольше месяца не держались. Он их заставлял работать как волов, а кормил как собак. И вот напоследок осталось у графа пятеро самых терпеливых, самых покорных работников.

Один из них, когда получал у графа жалкие гроши за свою работу, осмелился сказать:

— Я слышал, барин, что по другим именьям как будто дороже батракам платят.

— Вижу, — ты слишком много слышишь! — вскричал граф и ударил работника по уху так, что тот мигом оглох.

Через некоторое время пришел к графу другой работник:

— Барин, пожалей моих деток... у меня для них нет ни крошки хлеба... А у барина я видал закрома от зерна ломаться.

— Вот как! Слишком много, значит, ты видишь! — крикнул граф, кинулся к работнику и в ярости выдавил ему пальцами глаза.

Идет раз граф по полю и слышит, как один работник с другим разговаривает.

— Что мелешь, лентяй, языком в рабочее время! — набросился граф на работника.

— Как же человеку не говорить, — ответил работник. — Ведь на то ему и язык дан!

— Вижу я, что язык тебе работать мешает, — закричал граф, и ножом отхватил у работника язык.

Гулял однажды граф по своему прекрасному саду и заметил, как один из его дворовых поднял с земли яблоко и положил себе в карман. Остановил граф работника и закричал:

— Как ты посмел у меня плоды красть!

— Я не крал! Я только гнилую падалицу подобрал, — ответил работник.

— Видать, у тебя слишком длинные руки, — закричал граф и велел отрубить работнику все пальцы на руках.

Работал в графском имении маленький пастушок. Пас он однажды гусей и задремал. А гуси на ту беду забрались в овес и давай его щипать.

Узнал об этом барин, позвал к себе отца того пастушка и говорит:

— Вот тебе дубинка! Взгрей ты ею щенка своего, да так, чтобы век помнил, как пасти надо.

— Хорошо, барин, — ответил отец и взял тяжелую дубину.

Назавтра встретил его барин и спрашивает:

— Ну, что, сделал, как я тебе велел?

— Сердце не позволило, барин, этакой дубиной ребенка колотить, — ответил работник. — Шлепнул я его рукой маленько, и так запомнит.

— Если сердце мешает тебе выполнять мои приказания, — кинь его псам, — закричал барин. Он бросился к работнику и вырвал из его груди отцовское сердце.

И вот пошли все пятеро по миру: слепой, глухой, немой, беспальный и отец без сердца.

Шли они много дней и пришли в темный лес. А на опушке того леса седой старик сидит и родник стережет. Стали путники просить у старика позволения — воды напиться.

А старик им говорит:

— Это родник чудесный. Одна его капля может самую тяжелую болезнь прогнать, две капли открывают человеку великие тайны, три капли принесут ему несметные богатства, а четыре капли превратят обыкновенного человека в короля.

— Дедушка, дай ты мне хоть одну капельку! — взмолился слепой. — Хотел бы я прозреть, хотел бы своих деточек повидать.

Дал ему старик одну капельку. Как только слепой смочил ею глаза, тотчас прозрел.

Стал глухой просить:

— Дедушка, не откажи, дай и мне хоть махонькую капельку. Я глухой. Хочется мне снова человеческую речь услышать.

Дал старичок и глухому капельку. Как только глухой смочил ею уши, вмиг стал все слышать и услышал пение птиц.

Беспалый стал просить:

— Не откажи, дедушка! И мне дай капельку! Может быть, вернет мне капелька палыцы, и я снова смогу зарабатывать свой хлеб.

Взмолился и отец без сердца:

— Пожалей ты, дедушка, и меня, несчастного. Дай капельку, может быть, она мне сердце вернет.

— На, вот и тебе капельку, — промолвил старик.

И как только капелька из чудесного родника коснулась груди несчастного, вмиг в ней забилося родительское сердце.

А тот, который был без языка, стал знаками показывать старику: дай, мол, и мне капельку. И как только капелька увлажнила немому рот, тотчас язык и отрос.

Счастливые люди не знали, как и благодарить старика. Идут они теперь веселые будто вновь на свет народились. Тот, кто был слепым, вдруг остановился и говорит:

— Братцы, а я насквозь всю землю вижу! Вижу в глубине земли драгоценные камни, и золото, и сокровища... И сквозь воду вижу... дно морское вижу.

— А я, — сказал тот, что был глухим, — слышу говор деревьев, цветов и птиц... Слышу, о чем рыбы на дне реки разговаривают, слышу, что ветер шепчет...

— Я тоже чувствую силу чудесных капель! — радостно закричал тот, у которого было вырвано сердце. — Да вы только поглядите, братцы!

И его спутники увидели, как к нему подбегают олени, волки, медведи... Звери ласково лижут ему руки, а птицы садятся ему на плечи.

Тогда заговорил тот, у которого еще недавно был отрезан язык. И как только он заговорил, затихли леса, остановились облака на небе, из рек высунулись рыбы, — все слушали его.

Вечером путники вышли на опушку. Решили было тут заночевать, но никак подходящего места не выберут.

— Вот бы хорошо из таких деревьев дом построить, да и пожить нам в нем всем вместе, — сказал тот, у которого были отрублены пальцы.

Едва он это сказал, едва дотронулся рукой сѐсны, как вмиг перед ним вырос прекрасный просторный дом.

Стали они впятером жить в этом доме. И слух о пяти мудрецах, которые все видят, все знают и все умеют, разошелся по всей стране.

И разнесли люди по широкой земле знания мудрецов о небе, воде, о зверях и птицах, о разных работах и ремеслах. И от них разошлись по земле науки и дружба.

Дошли и до графа слухи о его бывших работниках и приехал он к ним. Притворился он добрым да хорошим и все выпрашивал, как они такой силой овладели.

Те простодушно рассказали ему все, как было. Граф поспешил домой и созвал своих четырех сыновей. Ни слова не говоря, бросился он к одному и выколол ему глаза. Другого хватил головой о стену так, что тот сразу оглох. Третьему вырвал из груди сердце. Четвертому отрезал язык.

Тут ворвалась в комнату мать. Она закричала не своим голосом:

— Безумец, что ты делаешь?

— Молчи, — успокоил ее граф, — твои дети скоро такие

глаза и уши получают, что будут видеть сквозь землю, будут все вокруг себя слышать. . .

С этими словами граф отрубил самому себе пальцы и отправился с сыновьями искать чудесный родник. Шли они много дней и вышли к лесу. Видят: на опушке, на замшелом камне сидит седой старик и родник стережет. Поздоровались путники со стариком и просят попить.

Старик говорит:

— Это родник чудесный. Одной капелькой можно самую тяжелую болезнь прогнать, две капли открывают все тайны мира, три капли приносят несметные богатства, а четыре капли превращают обыкновенного человека в короля.

Слепой сын графа попросил старичка вернуть ему зрение. Старичок брызнул на него чудесной водой и такие глаза ему дал, что графский сын сразу всю землю и море, и небо насквозь увидел. Потом и все остальные — глухой, немой, бессердечный и сам граф вернули себе речь, слух, сердце и пальцы. Но как только почувствовали они силу родника, то захотели большего, — захотели стать королями.

— Старик, эй, старик, — сказали они, — дай нам еще три капельки.

Старичок не дал.

Тогда граф и его сыновья набросились на старика, убили его и зарыли под замшелый камень. Теперь они припали к роднику и давай пить, да не капельками, а большими жадными глотками.

Выпили граф с сыновьями всю воду из родника, даже с тиной высосали. Да только не знали они, что на дне родника

осели все дурные свойства людей, все пороки. И вместо чудесной силы, вместо королевской короны, они дождались совсем другого. Бывший слепой получил песьи глаза; бывший глухой стал слышать беспрестанный звон золота; тот, что был без языка, получил язык лжеца и обжоры; бессердечный получил сердце свиньи, а беспалый граф — волчьи когти.

Таковыми они и остались навсегда.

СЕРЕБРЯНАЯ ПУЛЯ

Жил-был человек, по имени Джюгас. Жил он в такой стране, где не было ни бар, ни ксендзов, ни вельмож. Что ни посеет — для себя сеет, что ни сожнет — все в свои амбары свезет, что ни намолотит — в свои закрома ссыплет, а что смолот да испек — на свой стол и поставит. Жил Джюгас в полном довольстве, работал с песней веселой, детей растил без думы тяжелой, ни перед кем спины не гнул, ни у кого милости не выпрашивал.

Но вот приблудился как-то к Джюгасу немец-проньера, пузатый задира. Видит немец — Джюгас поднимает целину. Ружьем помахал, хлыстом поиграл и говорит мужику:

— Человече, человече, отныне я твой барин. Отдай мне свою лошадь. Не отдашь — я тебя самого оседлаю и верхом на тебе поеду.

Что тут Джюгасу делать! Барин подлец, чортов гонец. Плохи с ним шутки. Отдал мужик единственную лошадь, вернулся домой и утешает жену:

— Ничего, землю и лопатой вскопать можно, снопы с поля сами снесем; уж как-нибудь проживем, все с голоду не помрем.

Однако не успел мужик и одну ночь переспать, шмыг-шмыг — опять тут как тут немец-проньера, пузатый задира, ус колючий, с сигарой вонючей. Встретил он Джюгаса, когда тот корову на луг выгонял, и говорит ему:

— Человече, человече, я твой барин. Не знаешь, что ли, что с этих пор одни баре молоко пить будут? Отдай мне свою корову. Не отдашь — кувырком полетишь, пятками небо заденешь.

Хоть, пополам разорись, а приходится Джюгасу единственную коровенку барину отдавать. Вернулся Джюгас в избу и утешает жену:

— Ничего, мы свинку зарежем, похлебку салом заправим, все с голоду не помрем.

Пошел мужик в хлев свинью резать, а только откуда ни возьмись, глядь-поглядь — и тут немец. Ружьем поиграл, хлыстом помахал и говорит Джюгасу:

— Человече, человече, я твой барин. Не знаешь, что ли, что с этих пор свинину одни баре кушать будут? Отдай мне свою свинью. А не отдашь — на первом суку тебя повешу.

Отдал Джюгас последнюю свинью. Вернулся в избу и утешает жену:

— Ничего, я в реке рыбки наловлю, в лесу где ягодку, где грибок отыщем, все до зимы живы останемся.

Встал Джюгас чуть свет, ушел на реку, рыбы полную корзину наловил, в лес заглянул — полное лукошко ягод нарвал, по лесам еловым и березовым грибков насобирав и к вечеру возвращается домой, как пчела меду полная.

Барин ехидный, чорт ненасытный, под мостом Джюгаса подстерегал, и как только подошел Джюгас к мосту, он — прыг на дорогу и останавливает мужика:

— Человеке, человеке, я твой барин. Не знаешь разве, что ягоды, рыбу и грибы мне одному есть полагается? С нынешнего дня буду я тебя каждый вечер у этого моста дожидаться, и должен ты мне приносить по полной корзине ягод, рыбы и грибов. А не принесешь — сам к рыбам угодишь.

Вернулся Джюгас в избу с пустыми руками, весь день задаром на немца поработав, а сам жену утешает:

— Ничего, щавелевой похлебки поедим, в лесу птичьих яиц насобираем, все до нового урожая с голоду не помрем.

От зари до заката снует жена Джюгаса с детьми по кустам, спину гнет, в росе холодной ноги студит — для барина ягоды-грибы собирает.

Пришло время жатвы, собрал Джюгас с поля урожай, сам на плечах своих в амбар снес и весело говорит жене:

— С хлебцем как-нибудь зиму суровую переждем, а весной и травкой прокормимся.

А тут шмыг-шмыг — немец-проньера, пузатый задира, усколючий, с сигарой вонючей, и говорит Джюгасу:

— Человеке, человеке, я твой барин. Смотри, чтоб был у тебя хлеб в два дня обмолочен, провеян и в мои амбары свежен! Если хоть одно зернышко утаишь, на суку повиснешь.

Плохи шутки с немцем-проньерой, пузатым задирой, так и пришлось все зерно ему отдать. Осталась семья Джюгаса без молока, без мяса, без хлеба. Пора озимые сеять, а у него ни единого зернышка для посева не осталось. Сидит Джюгас по нуры целый день, сидит голодный с малыми детьми — думает, — ничего не придумает.

И опять, откуда ни возьмись, с шумом и треском в дверь — барин.

— Человече, человече, и чего ты сидишь сложа руки? Я, твой барин, приказываю, чтоб в три дня пашня была унавожена, вспахана, взборонена и рожью-пшеницей засеяна. Не засеешь — избу твою дымом пушу, детей твоих и тебя самого сожгу, а пепел ваш по земле развею.

Нет у Джюгаса ни коня, ни семян, сам он с семьей с голоду чуть не пухнет — не знает, что ему и делать.

Через три дня приходит немец и спрашивает:

— Ну, как, человече, засеял ты свое поле?

— Погоди, воробьиным навозом пашню удобрю, кошку запрягу — вспашу-взбороню, вшей с твоего затылка соберу — засею, — ответил Джюгас, потеряв терпение.

Рассердился немец на мужика за такие слова. Ночью, когда Джюгас со двора вышел, поджег немец его избушку. Вместе с домом сгорели жена Джюгаса и двое его малых детей. Вернувшись, нашел мужик только дымящиеся головни.

Собрав в узелок обуглившиеся кости жены и детей, ушел Джюгас бродить по белу свету.

Шел он днем и ночью, проголодался, измучился. Начал по карманам шарить, нет ли там хоть крошки хлеба. Нашел он только денежку серебряную. Что поделаешь — сам себя не обгложешь. Идет он дальше. По дороге забрел в темную чашу. Слышит — в той чаше что-то стучит, гремит, прямо земля дрожит. Повернул он туда, откуда стук доносится, видит — стоит посреди чаши кузня, горн горит, и кузнец-великан, с бородой до земли, бьет молотом по наковальне.

— Кузнец, что ты куешь? — спрашивает Джюгас.

— Птицам — клювы, зверям — клыки да когти, скотине — рога кую, — отвечает кузнец.

— Не можешь ли ты мне такую пулю выковать, что куда бы я ее ни бросил, кого бы ни задумал убить, того бы она убивала и опять ко мне целехонькой возвращалась? Вот тебе серебро и угли для горна! — сказал Джюгас.

— Многого ты захотел! — отвечает кузнец. — А кто ты таков, откуда бредешь, кому мстить собираешься?

Рассказал Джюгас беду свою, слезами горячими обливаясь. Послушал кузнец мужика, взял от него денежку, развел горн обугленными костями джюгасовой жены и ребятишек и принялся за работу. Целый день, ночь целую горн не угасал, к небу искры взлетали, сутки целые молот гремел, — наконец, выковал кузнец Джюгасу серебряную пулю.

Поблагодарил мужик кузнеца, положил пулю за пазуху и пошел дальше. Три дня пробирался он лесной чащей, одними ягодами питался, и вышел на полянку. А на полянке большой ткацкий станок стоит, за станком девушка полотно ткет. И такие узоры на этом чудесном полотне, что издали глаза слепит, словно солнце светлое сияет.

— Что ты ткешь, девушка? — спрашивает у нее Джюгас.

— Птицам — платья, паукам — сетки серебряные, лугам — ковры зеленые.

— Не соткешь ли ты мне полотно на плащ-невидимку? Надену я его и стану невидимым. Вот тебе клубок пряжи.

— Немало ты захотел! Кто ты таков, откуда бредешь, зачем нужно тебе невидимкой обернуться?

Поведал мужик девушке свое горе, слезами обливаясь. Выслушала она Джюгаса, взяла у него ткачиха клубок; и за-

бегал по станку ее золотой челнок. А клубок этот с иглой доу-
рая лауме раньше сама Джюгасу в карман тайком положила.

Вышло со станка такое полотно, что самым зорким глазом
его не разглядеть — до того тонкое, до того прозрачное, на
чистый воздух весенний похожее.

Поблагодарил ткачиху Джюгас и пошел с полотном бес-
ценным дальше. Много ли, мало ли прошел, видит — на сук-
нах бархатных, на мехах дорогих сидит человек и одежку
маленькую шьет.

— Что ты шьешь, портняжка? — спрашивает Джюгас.

— Дятлам — куртки, журавлям — фраки, лисицам —
шубки, мотылькам — сорочки.

— А не сошьешь ли мне из полотна плащ-невидимку? Я
тебе иглу свою дам.

— Чудной твой заказ! Кто ты таков, откуда бредешь, за-
чем меня тревожишь?

Рассказал Джюгас про горе свое, даже прослезился. Вы-
слушал его портняжка и взялся плащ-невидимку шить. Кон-
чил он иглой сновать, надел Джюгас тот плащ, не мешкая, и
словно сквозь землю провалился — невидимкой стал.

Вышел Джюгас на широкую дорогу. Слышит — земля
дрожит, карета катит, а в той карете немец-проньера, пузатый
задира. Подбежал Джюгас в плаще своем чудесном, вытащил
из-за пазухи пулю серебряную, кинул ее, — барин из кареты,
как мешок с отрубями, вывалился, сигара вонючая изо рта у
него выпала.

— Не бывать тебе надо мной барном! — промолвил Джю-
гас.

Воротилась к нему пуля. Подобрал он ее и дальше пошел.

Идет по селу, видит, как другой немец человека запряг,

поле на нем пашет, по спине горемычного кнутом похлестывает. Пустил Джюгас серебряную пулю — немец кувырк и ноги протянул, только он от чужого труда и пользы видел! Вытер Джюгас о росистую траву пулю воротившуюся, черной кровью барина облитую, положил ее себе за пазуху и дальше направился.

Прослышали немцы, что их породу изводят, собрались они несметным полчищем, саблями машут, на конях скачут, из ружей пальбу подняли — грозятся поймать Джюгаса.словно туча, обложили немцы поля, леса оцепили, в реках кони их всю воду замутили. Ищут Джюгаса по кустам, чащи обшаривают, реки обнюхивают, в небо высокое стреляют. А Джюгас стоит невидимый у главного немца за спиной и серебряной пулей в его солдат запускает. Пустит, — и немец валится. Воротится пуля, — он другого валит.

Уложил он всех немцев, как снопы ржаные. Последний раз серебряную пулю пустил — воротилась она без крови черной. Обрадовался Джюгас: понял, что не осталось в его стране ни одного немца-проныры, пузатого задиры. Вернулся он тогда домой, снова зажил, ни перед кем спину не гнул, ни у кого милости не вымаливал. Что посеет — для себя сожнет, что намолотит — в свои закрома свезет, а что смелет — на свой стол ставит.

МУЖИК И БАРИН

ил-был когда-то в Жемайтии¹ мужик. День-деньской обрабатывал он свою землю, охотился на зверей и птиц, ловил их живьем и продавал.

Однажды поймал он зайца, положил его в мешок и привез в город возле прусской земли. Пока он там дожидался, подошел к нему толстый барин и спрашивает:

— Что у тебя за зверь? Не лев ли это?

— Нет, не лев. Это очень редкостный, дорогой зверь гончей породы. Привяжешь ему на шею записку и он мигом отнесет ее куда, следует, — сказал жемайтис.

— Ja, ja! Мне как раз такой гонец дозарезу нужен: я собираюсь свадьбу дочки справлять, придется полон дом гостей созывать, и быстроногий гонец мне пригодится. Продай мне его!

¹ Жемайтия — северо-западная часть Литвы. Жемайтис — житель Жемайтии.

— Купи! — сказал мужик.

— А сколько он стоит? — спросил барин.

— Дай двадцать золотых!

Заплатил бариң деньги, подхватил покупку подмышки и пошел домой.

Накануне свадьбы барин написал записки с приглашениями, приладил их зайцу на шею и выпустил ушастого. Подпрыгнул заяц и помчался со всех ног.

Увидав заячью прыть, немец обрадовался: «Эге, этакий быстроногий гонец мне живо всю Пруссию соберет!»

Однако ни в этот день, ни назавтра ушастый гонец к барину не вернулся. Гости так и остались не созваны.

Понял барин, что мужик его одурачил и решил проучить обманщика. Встретил он его в городе и давай ругать:

— Ах ты такой-сякой! Как ты смел меня обмануть! Теперь от меня не уйдешь!

Но жемайтис несколько не испугался и спокойно ответил:

— А ты сказал гонцу, куда бежать? Адреса-то ты дал ему?

— Ах нет, про это я совсем забыл! — признался барин.

— Вот видишь! Сам виноват, а на другого хочешь вину свалить. В другой раз не горячись попусту.

В тот день мужик привез с собой в город живую лисицу. Барин осмотрел зверька и спрашивает:

— А что это за зверь? Не жемайтисский ли это медведь?

— Нет, какой же это медведь, — отвечает жемайтис. — Этот зверек по-нашему называется: куриный лекарь. Стоит его впустить на одну ночь в курятник, как самые ленивые куры станут нести по десятку яиц в день.

— Продай ты мне этого лекаря! — стал просить барин.

— Давай тридцать золотых и бери его себе.

Заплатил барин тридцать золотых и принес лисицу к себе домой. Вечером он пустил ее в курятник.

Там поднялся переполох. Барин услышал, как куры раскудахтались, обрадовался и позвал жену:

— Поди скорей сюда, Бригита, послушай, как лекарь наших курочек лечит. Ай да лекарь, ай да целитель!

Еле-еле дождался барин утра. Чуть свет побежал он собирать яйца, но как только распахнул дверь курятника, он увидел, что лекарь почти всех кур передушил. Обшарил барин все углы, и увидел, что «куриный лекарь» после своей «работы» вырыл под стеной лазейку и был таков.

Решил барин проучить мужика. Вот он однажды его повстречал и говорит:

— Ах ты обманщик! Так-то твой лекарь кур лечит! Ну ка, пойдем со мной, уж я придумаю тебе наказание.

— Ладно, — говорит мужик, — будь по-твоему. От справедливого наказания отлынивать не приходится. Только отпусти меня на часок исповедаться.

Согласился барин и отпустил мужика. А мужик забежал в один кабак, в другой, в третий, о чем-то пошептался там с кабатчиками, потом вернулся к барину и говорит:

— Наказать-то ты меня всегда успеешь, а пока давай пропустим по кружечке пива.

— Ja, ja, выпить всегда можно, — согласился барин.

Оба они хорошо выпили и закусили. А когда настало время платить, мужик встал, прошел мимо кабатчика, повертел шапкой вокруг головы и проблеял:

— Ме-ке-ке.

— Ме-ке-ке, — отозвался кабатчик и не взял за пиво ни полушки.

Прошли они с полпути, мужик тащит барина в другой кабак. Тут они опять выпили, наелись, а когда пришло время платить, мужик, проходя мимо кабатчика, повертел шапкой вокруг головы и проблеял:

— Ме-ке-ке,—и опять кабатчик с него ни копейки не взял.

Решил барин проверить, правда ли, что шапка волшебная, и стал звать мужика зайти в третий кабак. Но и там, как только мужик повертел шапкой, с него денег за еду и за питье не взяли.

Тогда барин стал просить мужика продать ему волшебную шапку.

Получил мужик за старую рваную шапку сто золотых и, насвистывая, отправился в путь-дорогу.

А барин дождался воскресенья, посадил всю родню свою в бричку, сам сел на козлы и покатил в город. Не терпелось ему показать чудесную силу старой шапки. Вот он привел всех в трактир, усадил за стол и велел подать самые дорогие блюда и напитки.

— Я, ја, ја! Ешьте вволю, пейте сколько угодно, платить вам не придется, — щедро потчевал он родных и знакомых.

Все только диву давались. Что это стало с барином? Он всегда был скупым и злым, а нынче его словно подменили!

Наконец, все досыта наелись, напились и стали подниматься из-за стола. Настало время платить. Барин встал, подошел к трактирщику, покрутил шапкой дважды вокруг головы и закричал:

— Ме-ке-ке!

Трактирщик сперва подумал, что это шутки пьяного. Но потом он увидел, что барин хочет улизнуть, ничего не заплатив, и схватил его за полу:

— Ах ты, чортова душа! Наелся, напился, весь свой приход накормил, а платить не хочешь! Ну-ка, выкладывай денежки, да поживей.

Барин подумал, что трактирщик не заметил его колдовства, и давай снова вертеть шапкой вокруг головы и блять: «Ме-ке-ке!»

Тут трактирщик вышел из себя, встряхнул барина и закричал:

— Плати сейчас же за все сполна! Здесь тебе не хлев! Нечего блять, словно коза.

А барин все упрямится, все вертит шапку и бормочет:

— Ja, ja, да ты посмотри, как я тебе показываю! Видишь, как я верчу заколдованной шапкой?

Потерял трактирщик терпение, позвал своих подручных и давай колотить чудака. Когда его, как следует, отдубасили, пришлось ему волей-неволей за все заплатить.

После всех этих бед барин надумал как следует отомстить мужику. Вот он однажды направился к нему. А мужик издалека увидел, что барин идет, быстро собрал все свои горшки, напихал в них травы, в траву засунул по несколько золотых монет и поразвесил горшки вдоль забора по кольям.

Пришел барин и говорит:

— Ja, ja, теперь уж тебе не слобровать, не прощу! Собирайся, пойдешь со мной в суд.

— Неужели мы пешком пойдем? — говорит мужик.

— Ja, ja, не ждешь ли ты, что я тебя в карете повезу? — рассердился барин. — Пойдем, пошевеливайся!

— Сейчас, — отозвался мужик, — дай только я палочку возьму.

Вышел мужик с суковатой палкой. Проходя мимо забора, как даст палкой по одному горшку — черепки так во все сто-

роны и посыпались. А вместе с черепками упало на землю несколько золотых. Барин увидел золото и разинул рот, но ничего не сказал. А мужик ударил по другому горшку, по третьему — изо всех горшков сыпались золотые монеты.

— Надо немного деньгами запастись. Еще неизвестно, какой штраф судья на меня наложит, — приговаривал мужик, разбивая горшки и собирая монеты. Когда остался последний горшок, барин не вытерпел и сказал:

— погоди, не бей, оставь мне хоть один!

Взмахнул он своей палкой, ударил по горшку, разбил его вдребезги, да ни одной монетки не достал. Мужик нарочно оставил этот горшок пустым.

— Видишь! — сказал он, — не от всякой палки золото из горшков сыплется.

Барин тотчас стал просить:

— Продай мне свою волшебную палку!

Мужик долго упрямылся и все притворялся, будто ни за что не хочет продавать своей чудесной палки. Наконец, он отдал ее за тысячу золотых.

Заплатил барин деньги, схватил волшебную палку и пустился с ней домой. По дороге встретил он гончара с полным возом горшков — и больших, и малых.

— Эй, стой, ты, глиняная башка, — закричал барин. — Посмотри, как я сейчас и тебе и себе золота добуду. Я, я, ты только посмотри!

Подбежал барин к возу, взмахнул палкой и давай бить по горшкам. Через несколько минут все горшки превратились в труду черепков. Сел барин на корточки и давай черепки разбирать, золотые монеты искать. Но сколько ни искал, ни полушки не нашел.

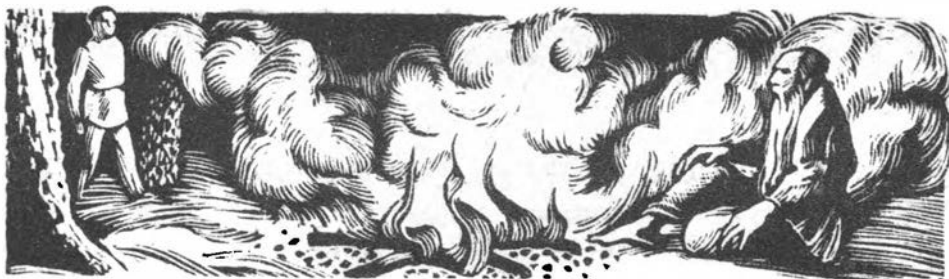
Гончар спрыгнул с телеги и накинулся на оторопевшего барина.

— Ах ты, разбойник, негодяй ты этакий! — закричал он и давай колотить барина изо всех сил.

А жемайтис продал свое маленькое хозяйство и переехал ближе к прусской земле.

Говорят, что он до сих пор продает барам чудесные палки, волшебные шапки, гончих зайцев и куриных лекарей...

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПАЛЕЦ

или-были три брата. Однажды задержались они на охоте до темна. Домой возвращаться было поздно. Решили братья заночевать в лесу. У них было настреляно вдоволь и птиц и зайцев; но беда в том, что нечем было развести огонь.

Младший брат повел носом и говорит:

— Я чую запах дыма.

Старший брат залез на ель, поглядел во все четыре стороны и говорит:

— Братцы, а я прямо на восходе огонь вижу.

Послали братья старшего за огнем. Тот пошел. Долго ли, коротко ли он шел, но вышел, наконец, к костру. А у костра, на большом пне, сидит старик с седой бородой и железным пальцем в костре жар разгребает.

— Отец, дай-ка огонька! — попросил старший брат.

— Ишь ты какой! Так требуешь, как будто огонь этот твой, — отозвался старик.

— Может, тебе в ноги поклониться да еще руку поцеловать!? — насмешливо спросил старший брат.

— А что ж, может, и придется поклониться, — заворчал старик. — Видишь пень, на котором я сижу? Коли ты мне не понравишься, мигом под пень засуну. Если хочешь огня, расскажи мне сказку про то, чего не бывает и быть не может.

Старший брат начал рассказывать:

— Жил да был один кузнец и денег у него было столько, сколько угольков в его горне. Пошел однажды кузнец бродить по белу свету и повстречал одного человека. А было это летом...

— Замолчи, дурак! — вскричал старик. — Все в твоей сказке давно уже слышано и видено.

Старик поднялся, да как даст старшему брату щелчка железным пальцем по лбу. Тот мигом и растянулся. Взял его старик и под пень засунул.

А младший и средний брат все сидят в лесу, ждут старшего. Ждут-пождут, а его все нет. Тогда средний брат пошел искать старшего.

Долго бродил он по лесу, видит: светит в лесу костер, возле костра на корявом пне старик сидит да железным пальцем жар разгребает. А под пнем старший брат лежит, одна голова наружу.

— Старик, старик! — закричал средний брат. — Сейчас тебе всю бороду вырву! Ты зачем моего брата под пень затолкал!

— Если ты окажешься не лучше, то и с тобой будет то же самое, — ответил старик.

— Эй, ты, старикан! Держи язык за зубами, а не то я тебя сейчас убью.

— Эх ты, дитятко неразумное! Еще не родился тот, кто мог бы меня испугать! Если хочешь, чтобы я твоего брата отпустил, Расскажи мне сказку про то, чего не бывает и быть не может.

Стал средний брат рассказывать:

— Жил-был старый воробей. Свил он себе под крышей гнездо. А неподалеку от воробьиного гнезда было ласточкино гнездо, а возле ласточкиного гнезда. . .

— Хватит, дурак! — перебил старик. — Все в твоей сказке было и может быть. А я тебя просил рассказать про то, чего не бывает. Ну-ка, поди сюда!

И как только средний брат приблизился, старик поднял руку с железным пальцем и как даст ему щелчка. Тот сразу упал. Старик мигом схватил его и — под пень.

Не дождавшись возвращения братьев, отправился их искать самый младший. Долго брел он по лесу, вышел, наконец, на огонек, видит — сидит у костра старик и железным пальцем жар разгребает. А под пнем оба брата лежат, только головы наружу торчат.

Недолго думая, подскочил младший брат к старику и вцепился ему в бороду. Хотел он старика наземь повалить, да не тут-то было. Не успел он и глазом моргнуть, как старик поднял его и тоже под пень засунул. Да еще приговаривает:

— Не горячись, парень, не горячись! Видишь, твои братья тихо, спокойно себя ведут. Ну, и ты успокойся. А если расскажешь мне сказку про то, чего не бывает, тогда отпущу и тебя, и братьев, да еще огонька вам дам.

— Хорошо, расскажу! Дай только с мыслями собраться.

— Ладно, собирайся с мыслями! — согласился старик.

Подумал немного младший брат и начал:

— В прошлом году посеяли мы с отцом на озере бобы. Один боб рос, рос да и вырос до самого неба. Послал меня отец на небо за солью. Ухватился я за бобовый стебель и давай лезть вверх. Начал я лезть вечером, а до неба добрался голько к утру. Купил я соли и пустился назад. Вдруг, откуда ни возьмись, выскочил из хлева козел и перекусил бобовый стебель. Что делать? Прыгнул я вниз, взял копу¹ яиц, разбил их, свил из скорлупы веревку, вернулся на небо, привязал веревку за край облака и стал спускаться. Спускался я, спускался, вдруг вижу, веревки не хватает. Вытащил я нож из-за голенища, и — чик, — отрезал верхний конец веревки, привязал к нижнему и счастливо спустился на самую маковку костела. Посмотрел я сверху, думаю, — спрыгну. Прыгнул и угодил на большой камень. Увяз я в камне по колена, не знаю, что дальше делать. Подумал немного и решил оставить ноги в камне. Побежал я домой за топором. Вернулся, вижу — рыжая собака мои ноги в камне гложет. Замахнулся я топором на собаку, а она — гав, гав! и — бежать! Только со страху свои бумаги оставила...

— А что было в тех бумагах? — нетерпеливо спросил старик.

— Да ничего особенного. Там было написано, что твой отец у моего отца свиней пас.

— Неправда, этого не было, это вранье! — закричал старик и поднял было железный палец.

¹ Шесть десятков.

— Потише, потише, дедушка, — сказал младший брат. — Ты ведь и просил рассказать про то, чего не было. Выходит, что моя взяла.

Делать было нечего. Пришлось старику всех трех братьев отпустить и дать им огонька. . .

ШЕСТЕРО БЕЗЗУБЫХ И ОДИН КОСОГЛАЗЫЙ

В деревне Коротконогих, неподалеку от озера Ложки, под горой Молоток, жили шестеро Беззубых и один Косоглазый.

Только не ладили Беззубые с Косоглазым.

Однажды Беззубые шли лугом и увидели пасется бык Косоглазого. Напали они на этого быка и убили его

А Косоглазый, не дождавшись вечером быка, пошел его искать. Искал, искал и нашел его убитым. Снял он с быка шкуру, взвалил ее на телегу и повез домой.

На другой день он поехал с женой на ярмарку. Там он помог жене забраться в шкуру и научил ее, что надо делать.

Как только на ярмарке собрался народ, встал Косоглазый на телегу и закричал:

— Эгей! Когда баба внутри, мой бык поет и пляшет. А когда баба снаружи, мой бык молчит. Эгей, купите!

Народ все побросал и обступил Косоглазого:

— Ну ка, бычок, попляши! — сказал Косоглазый.

Бык стал плясать.

— Ну ка, бычок, скажи, что ты ел сегодня?

— Солому. . . — промычал бык.

— Ишь ты, диговинка какая! — зашумел народ.

Тут нашелся в толпе купец. Не торгуясь, отвалил он за говорящего быка тысячу золотых и спрашивает у Косоглазого:

— А что это значит: когда баба внутри, мой бык поет и пляшет, а когда баба снаружи, мой бык молчит?

— Загадка не мудреная, — ответил Косоглазый, — сейчас все поймешь!

С этими словами он велел жене вылезть из бычьей шкуры.

— Сам видишь теперь: когда баба снаружи, бык ничего не смыслит, молчит.

Понял теперь купец, что его обвели вокруг пальца, и ушел, не солоно хлебавши.

Узнали Беззубые про удачу Косоглазого, пришли к нему и говорят:

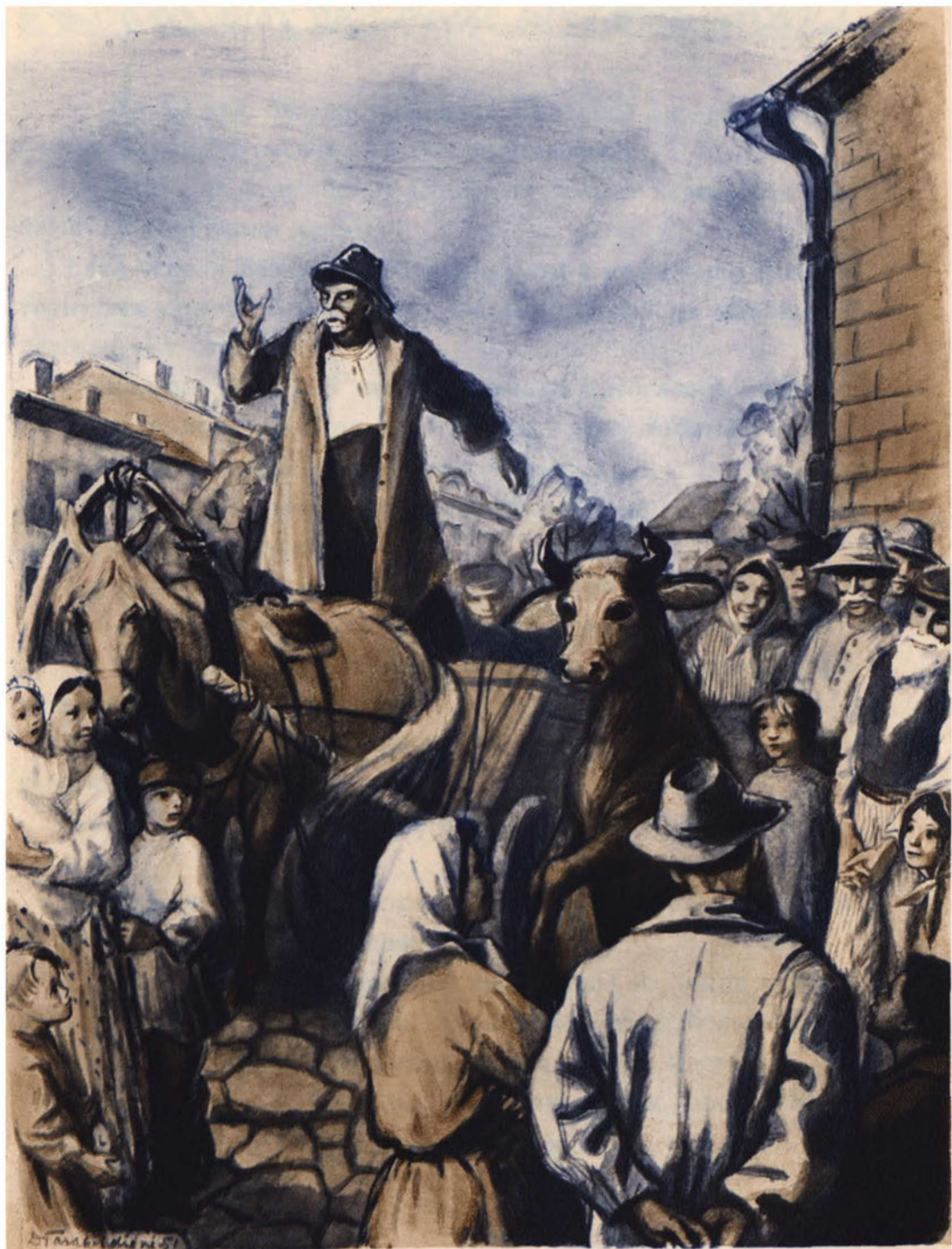
— Слыхали мы, что ты разбогател, лопатой золото загребаешь. Расскажи нам, как ты свое богатство добыл?

Косоглазый почесал в затылке и говорит:

— Вы убили моего быка, чтобы мне навредить. Только вышел мне не вред, а польза. Вчера я снял с него шкуру и продал ее на ярмарке за тысячу золотых.

Беззубые вернулись домой, закололи всех своих быков, содрали с них шкуры и на другой день повезли в город.

Когда они стали за шкуры просить по тысяче золотых, народ над ними стал смеяться:

— Да вы что, белены объелись! Виданное ли дело, за дырявую шкуру по тысяче золотых заламывать?

— Гнать их с ярмарки! Приехали только издеваться над нами! — закричали купцы.

Едва успели Беззубые собрать шкуры и рады были целыми вернуться домой. Поняли они, что Косоглазый их обманул, и решили ему отомстить.

Сшили они кожаный мешок, поймали Косоглазого, засунули его в мешок, завязали и потащили в реку топить.

На мосту старший Беззубый говорит:

— Погодите, давайте сначала отдохнем, подкрепимся малость, а потом и утопим его.

Оставили мешок на мосту, а сами в трактир пошли.

А Косоглазый в мешке брыкается и кричит, что есть силы:

— Развяжи мешок, покажу занятную вещь. Развяжи мешок, покажу занятную вещь.

Услыхал Косоглазого старый пастух, пожалел его и выпустил из мешка.

— Ну, теперь покажи мне занятную вещь! — сказал пастух.

— Наберись малость терпения, добрый человек; — ответил Косоглазый, — скоро увидишь.

С этими словами Косоглазый выкорчевал из земли старый пень и засунул его в мешок. Вложил еще туда большой камень, завязал, а сам с пастухом спрятался под мостом.

Скоро вернулись Беззубые, подняли мешок, раскачали и швырнули с моста в омут, приговаривая:

— Вот тебе, обманщик! Что заслужил, то и получил!

А Косоглазый, живой да целехонький, выскочил из-под моста, забежал вперед и давай пасти стадо того же пастуха.

Увидели Беззубые Косоглазого и рты разинули от удивления:

— Откуда ты, Косоглазый, взялся? — спрашивают, — ведь мы тебя в реку бросили!

— Право уж сам не знаю теперь, на небе или в райских лугах я был... — ответил Косоглазый. — Потому что на дне я такую красоту повидал, что и передать невозможно! А больше всего мне понравились эти овечки, которых я сейчас домой гоню.

— А осталась ли там хоть еще одна такая овечка? — спрашивают Беззубые.

Махнул рукой Косоглазый:

— Что вы! Я и десятой доли не взял! Если не верите, могу вам показать!

Пошли Беззубые следом за Косоглазым. Пригнал он на мост все стадо и обернулся к Беззубым:

— Видите, сколько там шелковистых овечек! — и показал на отражение овец в воде.

— Видим, видим, — закричали Беззубые.

Раньше всех бросился в воду самый старший из Беззубых.

Его товарищи услышали, как он в воде булькает, и подумали, что это он овечек зовет: «буре, буре»...

— Ох, он самых жирных овец из реки повытаскает! — за-

волновались Беззубые и, словно лягушки, стали прыгать в воду.

Добрый час они в реке барахтались, насилу выбрались, чуть не утонули.

С тех пор Беззубые перестали мстить Косоглазому.

ХИТРЫЙ РОМАС

Жил-был человек по имени Ромас. Земли у него было мало. Каждую весну он терпеливо убирал все камни со своей полоски и выкорчевывал все пни. Но те, словно заколдованные, все ломали его соху да борону.

Присел однажды Ромас на грудку камней отдохнуть. Сидит и проклиняет свою горькую жизнь.

— Чорт бы побрал эти пни да камни! Нету от них житья!

Не успел Ромас вымолвить это проклятие, как вдруг откуда ни возьмись, выскочил из оврага барчонок:

— Добрый день, хозяин. Что поделываешь?

Понял Ромас, что накликал нечистого и говорит:

— Каждую весну дикие гуси на мое поле садятся и по столько яиц кладут, что я и собирать не успеваю.

И Ромас показал на камни, которые были рассыпаны по всей его полоске.

Глянул барчонок на камни и спрашивает:

— А почему ты не кладешь эти яйца под наседок? Подумай только, сколько ты набрал бы перьев да мяса!

— Пробовал! Один раз вылупилось шестьдесят гусят. Накинулись они на поле, склевали весь ячмень и овес, только-то и пользы было от них.

— Продай мне эти яйца, — говорит барчонок.

— Купи.

— А сколько хочешь?

— Соберешь их за ночь да вывезешь с поля, все твои будут, — сказал Ромас.

Барчонок согласился. Вышел Ромас утром в поле, а там уж ни камешка не осталось.

Взялся он за работу, вспахал, заборонил все поле и засеял горохом, овсом, ячменем и пшеницей. Посадил еще репы, картошки и к осени собрал богатый урожай.

Весной Ромас задумал выкорчевать на своей земле все пни. Вышел он в поле, сел на пень и призадумался. Вдруг, откуда ни возьмись, выскочил прошлогодний барчонок

— Здорово, хозяин! Что так задумался?

— Не пошла мне впрок прошлогодняя торговля. Продал я те яйца, купил удобрения, и так удобрил почву, что теперь не знаю, как быть. Видишь, какая огромная репа выросла? Стали мы ее всей семьей дергать — ни с места! Созвали соседей — не тут-то было! Собрали всю деревню — и то не осилили. Так и не выдернули репы.

Ромас показал на пни: вот, мол, она, — репа!

А чорт и говорит:

— Продай мне эту репу.

— Что ж, покупай. Я уж и так надорвался, пока дергал ее.

И поладил Ромас с чортом на том, что тот за одну ночь всю репу соберет и вывезет.

В ту же ночь чорт привел на пнистое поле тысячу помощников. До первых петухов шум и гам стоял на поле. Зато с восходом солнца не осталось ни пенька. Не долго думая, засеял Ромас свою полоску рожью.

Осенью он продал урожай, на вырученные деньги приобрел утварь, созвал сапожников, портных да столяров, — нашил для своих трех дочерей приданого, обуви, наделал шкафов да сундуков. Потом всех трех выдал в один день замуж. Никто еще такой веселой свадьбы не видал.

И вот опять пришла весна. Старые черти больно отодрали чертенка за то, что он вместо репы пней накупил. Самый старший чорт так беднягу стукнул, что тот с грохотом вылетел из ада и упал на землю.

Пришел чертенок в себя и кое-как добрался до усадьбы Ромаса. Он был очень зол на человека и решил ему отомстить. Ромас в ту пору сеял гречку. Чертенок подошел к нему и говорит:

— Здорово, хозяин! Пришел я к тебе покончить с нашими делами. Два раза ты меня обманул. Но теперь-то я от тебя не отстану! Либо ты пойдешь ко мне на три года в батраки, либо я твою землю опять камнями да пнями закидаю.

Понял Ромас, что бесполезно спорить с чортом, и стал думать, как ему из беды выйти.

— А сколько ты, барчонок, мне платы положишь? — спросил он.

— А ты сам скажи, сколько тебе надо.

Подумал Ромас часок и говорит:

— Ладно, пойду я к тебе батрачить. А плата будет вот какая: дам я тебе щелчка по лбу. Коли ты на ногах устоишь — ничего мне платить не станешь, а коли упадешь, плати мне сто золотых.

Чорт подумал-подумал и согласился.

Ромас поглядел на небо, понюхал воздух и говорит:

— Приходи вечером вон на тот холм.

Сказано — сделано! Вечером Ромас отправился к назначенному месту. Чорт уже там его ждал. На вершине холма стояла ветряная мельница.

— Становись вот сюда, — сказал Ромас и в темноте подвел чорта под самую мельницу. Чертенок уперся копытами в землю, выставил лоб и ждет.

А Ромас в темноте отвязал мельничные крылья, разбежался и толкнул их изо всей силы. Налетел ветер, и тяжелые крылья с грохотом завертелись.

— Эй, что ты там делаешь? — спросил чорт.

— погоди, это я ноготь для щелчка обтачиваю. Чтобы лучше скользил.

Чертенка даже холод пробрал. Еще крепче уперся он копытами и спрашивает:

— Ну, скоро ты там?

— Скоро, скоро, — отвечает Ромас. — Только, пожалуйста, посторонись немножко. А то мне не видать.

Шагнул чорт вперед. Тут крыло мельницы налетело, да как стукнет его по лбу! Чертенка точно мешок с шелухой под-

бросило в самое поднебесье — только через час хлопнулся он в болото.

Долго он лежал в тине без памяти. К утру еле очухался, ползком добрался до оврага и провалился сквозь землю. А Ромас еще много лет жил привольно и без хлопот.

КАК КРЕПОСТНОЙ СТЯПАС ГОСПОДИНА ФРИЦА ЛЕЧИЛ

В старое время жил злой да сумасбродный барин, по имени Фриц. По базарным дням выходил он на дорогу и, завидев крестьянина, который вел лошадь или вола на продажу, спрашивал:

— Эй, Юргис, продаешь, что ли, эту кошку?

Фриц всех крепостных называл Юргисами, их жен Магдами, а их волов и лошадей — кошками или крысами.

Люди боялись злого барина и отдавали ему свою скотину за гроши.

Но раз нашелся человек, который оказался хитрее самого Фрица. Имя того человека было Стяпас.

Однажды гнал Стяпас на рынок вола продавать.

— Эй, Юргис, продай мне этого кота! — сказал Фриц, выскочив на дорогу.

— Что ж, — говорит Стяпас. — Покупай!

Достал Фриц из кармана медный грош, протянул Стяпасу

и хотел было увести вола. Но тут Стяпас стал просить: — Дай мне, барин, воловий хвост в придачу!

Фриц дал ему отрезать у вола хвост.

Вернулся Стяпас домой и засунул хвост за балку под потолком.

Осенью погнал Стяпас свою лошадь продавать. Вдруг, откуда ни возьмись, выскочил на дорогу Фриц и говорит:

— Ну, Юргис, продал ты мне кота, продай и крысу.

— Что ж, лучше своему барину продать, чем чужому, — сказал крестьянин.

Наскреб Фриц несколько стертых медяков, бросил их Стяпасу и хотел было сесть на лошадь. Но тут Стяпас стал просить барина оставить ему хоть лошадиный хвост. Фриц позволил ему отрезать хвост у коня. Вернулся домой Стяпас и засунул хвост за балку.

С приходом зимы худо стало Стяпасу. Нарубил он березовых сучьев, сложил их в сани, сам в них впрягся и повез в город продавать. А Фриц тут как тут, на дороге стоит.

— Куда ты, Юргис, эту солому тащишь? Может, мне ее продашь? Пригодится скоту на подстилку.

Что было делать? Продал Стяпас сучья, а деньги получил, как за солому.

Через некоторое время Фриц заболел. Самые искусные лекаря лечили больного. Однако ничего не помогало. Услышал об этом Стяпас, приклеил себе черную бороду, выпросил у соседей на время лучшую лошадь и верхом, с узелком подмышкой, приехал в имение.

Он назвался лекарем из дальней страны и вошел в дом Фрица. Лекарь заставил больного высунуть язык, заглянул ему в горло, потом велел истопить баню.

Когда баня была готова, лекарь велел принести туда Фрица. Оставшись с барином с глазу на глаз, Стяпас раздел его, уложил на полку, потом достал что-то из узелка и показал Фрицу.

— Узнаешь, что это?

— Воловий хвост, — ответил Фриц.

— Небось вспомнил теперь того кота с воловьим хвостом? — сказал Стяпас и давай хлестать барина хвостом.

Фриц стал кричать:

— Помню, помню!

— В другой раз отличишь вола от кота и будешь знать, что тебя парил не Юргис, а Стяпас, — сказал человек и убежал из бани.

А Фриц от стыда даже не посмел никому рассказать о том, как его парили.

Через некоторое время Стяпас приклеил себе рыжую бороду, надел синие очки, оделся еще чудней и снова явился в имение. Он выдал себя за лекаря из Турции и прошел к больному, хорошенько осмотрел его, подергал за язык, потыкал пальцем в нёбо и велел ему лечь на пол. Как только Фриц лег, Стяпас зыташил что-то из-под полы и спросил:

— Знаешь, что это такое?

— Лошадиный хвост! — ответил барин.

— Небось вспомнишь теперь и крысу с лошадиным хвостом? — сказал Стяпас, и, не дожидаясь ответа, стал барина хвостом охаживать, бока ему лечить.

Барин закричал:

— Помню, помню!

— То-то, в другой раз отличишь лошадь от крысы и бу-

дешь знать, как лошадь за медный грош покупать, — сказал Стяпас и выскочил за дверь.

Испугался барин и вовсе перестал подпускать к себе лекарей.

Тогда Стяпас нарядился в цыганскую юбку, накинул на голову платок, в уши вдел серьги и пришел в имение. Цыганку тотчас же пропустили к барину. Поглядела она в глаза больному, посмотрела на его ладонь, пробормотала что-то непонятное, велела ему встать с кровати и пойти за ней.

Фриц собрался с силами, поднялся и пошел следом за цыганкой. А цыганка юркнула в кусты и вернулась с большой дубиной. Подсунула Фрицу под нос и спрашивает:

— Знаешь, что это за дерево?

— Береза, — ответил Фриц.

— Так! Небось, теперь вспомнишь березовые сучья, которые ты называл соломой? — спросил Стяпас и, не долго думая, принялся колотить Фрица дубиной.

— Помню, помню! — закричал Фриц на весь лес.

— Ну, теперь ты ученый и сможешь отличить дрова от соломы, — сказал Стяпас и пошел своим путем.

С месяц не мог барин встать на ноги. И с той поры Фриц уже скота по дешевке у крестьян не покупал.

СТРАКАЛАС И МАКАЛАС

Стракалас и Макалас — давнишние соседи. Хорошо между собой соседи жили, с малых лет дружили. Если один свинью заколет, или крестины справляет, непременно другого позовет. Недаром в деревне говорили:

— Если бы Стракаласа сделали королем, Макалас был бы королевой.

Но одна беда: оба друга были упрямы, как козлы, да притом еще порядочные хвастуны! Если Стракалас сболтнет, что в Америке коровы летают, то хоть кол у него на голове теши, все будет свое твердить. А если Макалас скажет, что в Турции сверла растут, то, хоть убей, на своем будет стоять.

Вот раз Стракалас с Макаласом собрались в лес за дровами.

Прошли немного, Макалас и говорит:

— Вижу я, сосед, новый топор у тебя!

— Правда! — ответил Стракалас. — Такого топора здесь еще ни у кого не было. Этим топором и хлеб можно резать, и камни раскалывать.

— Что-то не верится, — сказал Макалас. — Но лучше моего топора не найти! Даром что старый, а новому не уступит. Разочек точилом проведешь — и брейся!

— А мой топор и вовсе точить не надо: только подую на него с одной стороны, да с другой и — готово! — ответил Стракалас.

— А я только приложу лезвие к стволу и чирк, вмиг дерево падает, — не поддается Макалас.

— Нет, твой топор с моим и сравнить нельзя, — не уступает Стракалас. — Вчера вышел я дрова колоть, — только замахнулся, а береза — трах, и раскололась пополам.

Расхваливая свои топоры, соседи приблизились к одной усадьбе. Вдоль дороги тянулся красивый, молодой сад. Макалас замахнулся своим топором и одним ударом срубил яблоньку.

— Видишь? Что я тебе говорил! Только ударил и дерево готово.

Стракалас тоже размахнулся, сверкнул топором и срубил две яблоньки.

— А я тебе что говорил! Раз рубанул — две лежат!

Но тут из дома выбежал хозяин сада с сыновьями. Они отняли топоры у Стракаласа и Макаласа и здорово поколотили хвастунов.

Осенью Стракалас с Макаласом вычистили ружья и отправились на охоту. Только они вышли, Стракалас и говорит:

— Убьем медведя! Он уж от нас не убежит!

— Что там — одного медведя! Пятерых медведей убьем, —

бахвалился Макалас. — В молодые годы, помню, бывало, выйду я на часок, а вернусь с десятком зайцев.

— А я, бывало, в молодости выйду поохотиться, столько зайцев настреляю, что приходилось телегу нанимать, — не уступает Стракалас.

— Правду сказать, свою добычу не всегда и на двух телегах мог я увезти. Я только самых жирных брал, а что похуже — сотни две-три воронам оставлял, — ответил Макалас.

— А я раз одной дробинкой четырнадцать уток в болоте убил! — похвалялся Стракалас.

— Э, братец, это что? Вот раз у меня вся дробь вышла. Загнал я в ствол подковный гвоздь, да как пальну — двух зайцев уложил, да еще лисий хвост к елке прибил этим же гвоздем, — не растерялся Макалас.

— Ну, это все пустяки, — возразил Стракалас. — В прошлом году я в ствол натолкал перцу, лаврового листа, соли и как выстрелил — семь уток упало, при чем все они были уже ошипаны, посолены и поперчены.

— Скажу я тебе, сосед, — говорит Макалас, — что такое дело к лицу не охотнику, а повару. Настоящему охотнику нужней всего меткий глаз. Я вот за версту в шапку попаду...

— Если ты уже начал про меткий глаз, то я и зажмурившись могу в шапку попасть. А если ты такой ловкий, попробуй, попади в пуговицу.

— Что там пуговица! — говорит Макалас. — Я с пятисот шагов в мушинное крылышко попаду.

Расхваставшись, соседи приблизились, между тем, к одной усадьбе. Во дворе на веревках висела одежда и подушки.

Стракалас снял с плеча ружье, прицелился в тулуп и выстрелил.

— Говорил я тебе, что в пуговицу с пятисот шагов попаду! — вскричал Стракалас.

Макалас прицелился и выстрелил в подушку.

— Говорил я тебе, что мушиное крыло прострелю!

На выстрелы сбежались люди. Они увидели проделки хвастунов, схватили кто полено, кто палку и погнались за охотниками.

У Стракаласа и Макаласа отняли ружья да еще в придачу обоих хорошенько поколотили.

Когда настало лето, Макалас вышел в поле косить рожь. Косит Макалас рожь, вдруг, откуда ни возьмись, и Стракалас тут как тут.

— Что тебе спешить, сосед? Пусть просохнет рожь, хлебушко будет помягче, — говорит Стракалас.

— Нет, надо спешить, — отвечает Макалас, — дождь будет. Тучки собираются.

— Какие тучки? Никакого дождя не будет! — возражает Стракалас.

— Помалкивай! Что ни говори, а уж дождь я лучше твоего угадываю. Если ворон крикнул, значит быть дождю, — упирается Макалас.

— Что ты, сосед! Если мой петух на навозной куче не копошится, значит, дождя еще долго не будет.

— Поди ты со своим петухом, — не унимается Макалас. — А я тебе говорю, что нынче вечером будет дождь. Недаром все мои кости заныли!

— Что там кости! Я погоду нюхом чую. Вот сегодня утром понюхал воздух и знаю, что еще три дня ведро простоит.

— Я и без нюха вижу, что собирается дожди!

Соседи спорили до самого вечера. В тот день Макалас так

и не убрал своей ржи. На другой день Стракалас все твердил, что после обеда будет дождь, а Макалас стоял на том, что дождя не будет.

Так они спорили несколько дней. Вдруг пошел дождь и шел три дня. После этого друзья опять спорили о погоде и опять пошли дожди. Проросла у соседей рожь, и оба друга остались без хлеба.

Весной зажгло молнией сеновал у Стракаласа. Огонь перебросился на клеть Макаласа. Соседи бросились на помощь. И потушили бы пожар, да оба друга опять заспорили: Макалас стоял на том, что пожар от молнии лучше всего тушить кислым молоком, а Стракалас уверял, что — песком. Пока они спорили, все у них до тла сгорело.

Так Стракалас и Макалас остались без крова. Сшили они себе по большому мешку и пошли по миру.

И до сих пор ходят по миру эти два упрямых хвастуна.

КАК ДЯТЕЛ ЕЛЬ РУБИЛ

одлетел дятел к елке, сел на самую макушку, раскачался и запел:

— Эту елку я срублю и дубинку смастерю. Как дубинкою взмахну, всех на месте уложу.

Услыхал эту песню заяц и напугался до смерти. Бросился он бежать со всех ног и наткнулся на волка. Волк его спрашивает:

— Куда скачешь, косой?

— Худо, худо нам, волчище,
Дятел, вон, дубинку ищет,
Он грозитя ель срубить
И дубинку смастерить.
Как дубинкою взмахнет,
Всех зверей в лесу убьет.

Испугался волк и побежал вместе с зайцем. Повстречали они лису. Лиса спрашивает:

— Куда несетесь, как угорелые? Из ума что ли выжили?

— Ох, кума, идет беда!
К нам беда идет сюда!
Дятел хочет ель срубить
И дубинку смастерить!
Как дубинкою взмахнет,
Всех зверей в лесу убьет!

Испугалась лиса и побежала вместе с волком и зайцем.
Повстречали они по дороге кабана. Кабан спрашивает:

— Вы куда это спешите?
На крестины что ль бежите?
Я и сам люблю винцо,
Желудевое пивцо!

А звери отвечают:

— Ох, кабан, послушай нас,
До крестин ли нам сейчас?
— Худо, худо нам, дружище,
Дятел, вон, дубинку ищет,
Он грозит ель срубить
И дубинку смастерить.
Побежим совет держать,
Как беды нам избежать.

Бегут теперь заяц, лиса, волк и кабан. Повстречали они медведя. Идет косолапый из гостей домой, пирог доедает. Он у дяди своего гостил, вместе с ним из улья мед таскал. Остановился медведь:

— Куда вы, соседушки, так бежите? Вижу я кабана-пахаря, зайца-прыгуна и рыжую лисаньку. Куда вы торопитесь? Кто вас гонит? Неужто воевать собрались?

А звери в ответ:

— Мишенька,
Когда бы ты знал,
Пустяков бы не болтал.
Туча черная приближается,
Горе-горькое надвигается.
Хочет дятел ель срубить
И дубинку смастерить.
Как дубинкою взмахнет,
Всех зверей в лесу убьет!

Испугался медведь и побежал вместе с ними. Бегут теперь заяц, волк, лисица, кабан и медведь. Посоветовались они и решили: лучше помрем, но не дадим дятлу ель рубить!

Набрались они смелости, прибежали к ели, на которой дятел сидел, и говорят в один голос:

— Ах ты, дятел-дровосек! Послушай ты нас, зверей. Не руби ты елки! Не делай дубинки! Давай по-хорошему, по-соседски жить.

А дятел попрежнему сидит на самой макушке и говорит:

— Уходите вы, звери, прочь! Сейчас я елочку срублю и дубинку смастерю! Кого моя дубинка достанет, тот больше не встанет!

Зашумели звери:

— Не дадим рубить елку!

Вот заяц, волк, кабан и медведь обхватили елку со всех сторон и держат. А дятел говорит:

— Сейчас возьмусь за работу, только вот топор наточу.

Медведь подает команду зверям:

— Вы, волк и кабан, тяните к себе, а мы с лисой будем с

другой стороны держать. Если крепко подопрем, ель не упадет. А ты, зайчик, плечом налегай, только смотри, старайся!

— Ладно, — ответил заяц и вдруг закричал:

— Братцы, а ведь дятел, кажется, рубить начал. Мне на хвостик щепка свалилась.

— Держи, держи, — закричал волк, — ель на нашу сторону валится!

Волк и кабан тянули ель к себе, а медведь — к себе. Мало-помалу она раскачалась и вдруг — трах! и переломилась пополам. Волк с кабаном на землю — бух! А на них и заяц, и медведь, и лиса повалились и закричали хором:

— Дятел, родной, пожалей нас, не руби!

А дятел взлетел, сел на другую елку и запел:

— Вот я елочку срубил!

Я не зря вам говорил!

А медведь все повторял жалобно:

— Ведь я, кажется, так крепко держал. Ай, да дятел! Ай, да силач!

ГОРБУНОК-МУЗЫКАНТ

Однажды глухой осенней ночью шел через лес невзрачный парень. С трудом перепрыгивал он через канавы, валежник трещал под его ногами. Это был батрак из богатого поместья, горбатый, кривоногий. Шел он со свадьбы со скрипкой подмышкой. То и дело горбун спотыкался, падал и ронял скрипку. В темноте он долго искал ее и, находя, тотчас трогал струны — цеды ли?

Всю дорогу горбунок думал о свадьбе, на которой только что был. В ушах все еще звучали насмешки пьяных гостей:

- Эй, горбун, суктинис!¹
- Эй, музыкант, пошевеливай своим горбом! Играй веселее!

Такие обидные слова он постоянно слышал с самого раннего детства. Чуть кому-нибудь не угодит, тотчас слышит:

- Проклятый горбун!

¹ Суктинис — народный танец.

А если хотели его похвалить, говорили:

— Ишь, этот горбатый!

Нередко девушки дразнили его:

— Мартинас, когда на мне женишься?

Горбун с горькой усмешкой отвечал:

— Да, есть уже у меня невеста.

— Кто же это такая? — допытывались девушки.

Горбун показывал на скрипку, прикладывал ее к подбородку и начинал играть.

... Теперь он возвращался со свадьбы. Шел он, шел, утомился и сел на кочку отдохнуть. Глянул в сторону и оторопел! Не знает: то ли ему сон снится, то ли наяву видит удивительную картину. Посреди долины возвышается чудесный дворец. Нарядные кареты одна за другой подкатывают к затейливым воротам. Из карет выходят господа. Из окон дворца раздается музыка.

Горбуна словно кто-то подтолкнул. Он вскочил:

— Может и моя музыка понравится этим господам! Пойду хоть под окнами поиграю.

Подошел горбун ко дворцу, постоял под окнами, но играть не смел. Хотел было потихоньку улизнуть, как вдруг рядом с ним очутилась красивая девушка:

— Окажи нам милость, путник. Поиграй нам немного, — сказала она.

Девушка взяла его за руку и повела во дворец.

Зала была так велика, что не видно было ей ни конца, ни начала. Длинные столы были уставлены множеством дорогих яств, напитков и плодов. Барынь и барышень было так много, и все такие красивые.

Мартинаса подвели к столу, усадили, завязали ему плат-

ком глаза и велели играть. Стал горбунок выводить на своей скрипке суктинис.

Началась пляска. Не утерпел горбун, незаметно приподнял краешек платка и увидел, что пляшут не только гости, но и слуги. Пляшут даже столы. А на столах пляшут бутылки, вилки и ножи. Пляшут колбасы с окороками, кувшины с бочонками, стулья со скамейками.

«Не иначе, как я к чертям и ведьмам на пир попал», — подумал Мартинас. Ему стало страшно. Однако, со страху он стал еще громче играть. Его в пот ударило, руки у него устали, на скрипке струна уже лопнула, а он, знай, все играет.

Когда ему надоел суктинис, он принялся за клумпакоис, а когда завел шермукшнинис¹, почти все плясуны повалились, кто куда.

Мартинас перестал играть. Не успевшие вернуться на свои места, бутылки остались на полу. Окорока с колбасами застряли между стульев. Одна скамья, как подняла свои деревянные ноги для танца, так и застыла.

К музыканту подошла та самая девушка, сняла с его глаз повязку и сказала:

— Спасибо, музыкант.

Потом она принесла два мешка:

— Вот тебе плата, скрипач. Выбирай любой.

Смотрит горбун: один мешок доверху набит золотом, а другой — пустой. Подумал он немного и рассудил так: «Зачем мне, горбатому, богатство? Лучше я, пожалуй, возьму пустой мешок. Может быть, он заколдованный».

Не успел он протянуть руку к пустому мешку, как вдруг,

¹ Клумпакоис и шермукшнинис — народные танцы.

откуда ни возьмись, набежала орава рогатых чертей и мигом засунули горбуна в мешок.

Черти стали его бить, мять, катать . . . А Мартинас все терпит и думает об одном: как бы тут скрипку сберечь? Она ему была дороже жизни.

Когда Мартинас пришел в себя, то увидел, что сидит он на кочке, а возле него лежит целехонькая скрипка. Солнце уже давно взошло. Понял Мартинас, что все это ему приснилось, и встал.

Едва только он поднял ногу, как тотчас почувствовал чудесную легкость во всем теле — словно у него крылья выросли. С удивлением стал он себя ощупывать и вдруг увидел, что горба, как не бывало. Счастливый Мартинас, насвистывая, пустился в путь. А в его ушах звенели птичьи голоса, которые словно эхо повторяли:

- Какой красивый молодец!
- Какой статный парень!

Мартинас стал высоким, стройным и пригожим. Многие товарищи и соседи его не узнавали. Далеко вокруг разнеслась весть о невиданном чуде. Все сбегались посмотреть на музыканта. Самые красивые девушки, которые раньше дразнили Мартинаса, теперь заглядывались на него. Самые смелые из них просили:

- Мартинелнс, зайди к нам в воскресенье!
- Мартинас, в субботу к нам загляни!

Счастливый музыкант только головой кивал.

Узнал об этом случае помещик. Это был человек хвастливый и жадный. Он велел музыканту рассказать все, как было. Потом барин решил и сам попытать счастья. Захватил он с

собой скрипку, на которой кое-как умел пикивать, и ночью отправился к болоту.

Сел барин на ту самую кочку, на которой еще недавно сидел Мартинас и в тот же миг все вокруг озарилось диковинным светом. Словно по мановению волшебной палочки из-под земли вырос прекрасный дворец. Нарядные кареты одна за другой подкатывали к дворцу. Из карет парами выходили господа.

Не долго думая, барин подошел ко дворцу и стал настраивать скрипку. Тут к нему приблизилась девушка:

— Не откажись, путник, поиграть нам немного.

— С превеликой охотой, — тотчас согласился барин.

Девушка привела его во дворец, посадила за стол, платком завязала ему глаза, и он заиграл мазурку.

В зале поднялся шум. Музыкант не утерпел, чуть-чуть приподнял краешек платка и увидел, что танцуют не только господа, но и слуги. Танцевали даже столы. А на столах танцевали колбасы и окорока, и кувшины с кружками.

Барина в пот ударило. Руки у него устали. Но он попрежнему наигрывал ту же мазурку.

Когда он, наконец, кончил играть, слуги положили у его ног два мешка. Один мешок был доверху полон золота, а другой был пустой.

Вскочил барин, ухватился за полный мешок и, дрожа от жадности, закричал:

— Этот, этот! . .

Не успел он погрузить руки в золото, как вдруг набежала орава рогатых чертей. Они повалили помещика на пол, взвалили ему на спину тяжелый мешок, сами уселись сверху и давай его мять, колотить и трепать.

Худо пришлось барину, однако, терпит, — все равно рад.
— Ничего, — думает, — часок помучусь, зато сколько золота огребу.

Терпел, терпел барин, однако в глазах у него помутилось. А когда очнулся, увидел, что сидит он на кочке посреди болота. Рядом лежит скрипка. А солнце уже высоко поднялось.

Встал барин и чувствует: за спиной тяжелый мешок висит. Обрадовался он, что столько золота получил. Стал себя ошупывать, мешок снимать. А мешок не снимается.

«Скажи на милость, как крепко привязан», — подумал барин. А когда хорошенько себя ошупал, понял, что за спиной у него не мешок с золотом, а большущий горб.

ПРО БУЙНОГО БЫКА

Был у человека злющий ленивый бык. Никому проходу не давал. Теленку рогами бок распорол, овечке лапу сломал, в поле хлеб повытоптал. На всех кидался. Не понравится ему сено или другой корм, он мигом рогами кормушку подденет и хлоп наземь!

Не знал хозяин, как ему быть, как от буйного быка избавиться. Хотел было его зарезать, да бык замычал и хозяин сжалился над ним.

— Ладно, — решил он. — Не стану тебя резать, — лучше я тебя продам. Ну, айда на базар!

Пригнал человек быка на базар. Бык стал мычать. Подошел купец и говорит:

— Сколько просишь за эту животину?

Человек говорит:

— Дай сотню.

Протянул купец руку, хотел было взять быка за рога, а

бык заревел сердито: мууу! Хотел было купец его за хвост ухватить, но бык — как ткнет рогами купца в бок.

Купец и охнуть не успел, как бык вырвался и понесся по базару. Человек бросился за ним вдогонку.

— Эй! Держи! Лови!

А бык мчится как вихрь, только пыль столбом. На бегу кого-то рогами проткнул, кого-то копытом лягнул. Весь день человек из деревни в деревню ходил, все про быка расспрашивал. Один говорит — видел, другой — слышал. Так и пропал бык.

А бык тем временем забрался в лес, осмотрелся и решил: «буду тут жить. Тут хорошо. По нраву мне лесной дух. Корму тут вдоволь. Наемся, а как лягу спать, велю птицам песни петь».

Но бык как был буйным, так буйным и остался. Вот послушайте, что случилось.

На дереве, под который улегся бык, давным давно свил себе гнездо соловей. Утром бык встал, потянулся и давай по своей привычке о дерево бок чесать. Дерево заскрипело, закачалось, затряслось.

Соловей испугался и запел:

Бык-бычок, бык-бычок,
Не чешь тут свой бочок,
Нашу елку не качай,
Наших деток не пугай!

Но злой бык не стал слушать соловья. Все чешется да еще грозитя:

— Муу! Уходи, пока здоров, берегись моих рогов. Где хочешь, там и чешись, у тебя я не спрошусь.

Чесался и чесался, а дерево все тряслось и тряслось. И вот упало наземь соловьиное гнездо, яички выкатились и разбились.

Что было делать бедному соловушке? Сел он на ветку и горько заплакал.

Летела мимо пчела, услышала жалобы соловушки, заныло у нее сердечко. Прыгала неподалеку лягушка, услышала жалобы соловушки, жалко ей его стало.

Пчела говорит:

— Надо нам буйного быка убить.

А соловей говорит:

— Где же нам с ним справиться. Мы маленькие да слабые, а он вон какой огромный да сильный. Нет, его разве только волки могут одолеть.

А пчела говорит:

— Он и нам, пчелам, сколько вреда причинил. Три улья разорил, много сотов с медом растоптал...

Лягушка говорит:

— Надо нам быка как-нибудь обманом взять. Если все дружно возьмемся, — одолеем его.

Вот соловей, пчела и лягушка объявили быку войну. Первой пошла на быка пчела. Она начала кружиться над его головой, жужжать и дразниться.

Зу-зу-зу... в самый глазз

Я ужжжалю сейчас.

Зу-зу-зу... И в бока

Я ужжжалю быка...

Бык поднял хвост и стал беситься. Прет напролом, куда попало, через пни и ямы, продирается сквозь частый ельничек да березничек.

А пчела все жужжит, не унимается:

Зи-зи-зи-зу-зу,
Я быка не пощажу,
Мясо я лисе отдам,
Кости волку я отдам,
А себе возьму рога —
Так накажем мы врага.

Бык бесился, бесился, бегал взад и вперед по лесу, из сил выбился, копытами бьет, рогами бодает . . . А за ним соловей летит, за ним лягушка скачет. Когда пчела устала, на ее место стал соловей. Налетел, клюнул быка в один глаз, клюнул в другой — бык тут и ослеп.

Стала слепого быка томить жажда. Да только не знает он, куда идти, где воду искать. Колодца ведь теперь ему не вырыть.

Тут лягушка квакушка подала голос:

Ква, ква, раз два.
Да-да, вот вода.

А бык знал: где лягушка, там и вода, и пошел на голос. А лягушка все скачет и напевает по-своему:

Раз, два, ква, ква —
Родниковая вода . . .
Вволю пей,
Не жалей.
Раз, два,
Ква, ква.

Бык шел за лягушкой, а воды все нет как нет. А песенка все звенит:

**Ква, ква, вот трава.
Где трава, там вода . . .
Вволю пей,
Не жалея.
Ах, вода хороша,
Освежится душа.**

**Устал бык, из последних сил выбился и грохнулся наземь.
Никто теперь больше его больших да кривых рогов не бонится.**

Обрадовались соловушка, пчелка, лягушка и давай кружиться вокруг быка, давай плясать и петь:

**Бык большой и буйный был,
Но лежит теперь без сил.
Потому что мы дружны,
Потому мы и сильны.
Если будем дружно жить,
Сможем всех врагов разбить.**

СОЛНЦЕ, МЕСЯЦ И ВЕТЕР

Ошли однажды месяц, ветер и солнце по белу свету бродить. Где солнце пройдет — там почки распускаются. Где месяц проходит — серебром там волны сверкают. Где ветер гуляет — хлеба колышутся и леса шумят...

Солнце блестит своими золотыми одеждами, само на свою красоту не наладуется:

— Кто может со мной сравниться! Своей горячей рукой я растопляю снега, всех заставляю радоваться, плясать, петь... Без меня не было бы на земле ни зернышка, ни росточка. Я всем на свете мать!

— Ну вот, вылезло шило из мешка, — сказал месяц. — Понапрасну ты, солнце, похваляешься. Ты на меня посмотри! При мне соловьи заводят свои песни, при мне все люди мечтать начинают и забывают о своем горе. Я всех успокаиваю и утешаю.

Старый ветер молчал, молчал, потом зашумел изо всех сил:

— Оба вы — один другого стоите, оба зря на небе торчите, никуда не годитесь. Один днем без толку по небу катится, другой ночью маячит. Ты, солнце, рабочего человека печешь беспощадно, а лентяя нежишь да холишь. А ты, месяц? Кому ты нужен по ночам, когда все спать ложатся. Нет, я, ветер — человеку всех нужней. Когда ты, солнце, слишком сильно печешь, я тебя остужаю, человеку пот осушаю. Я крылья мельницы верчу, я рыбацьи лодки гоню — всем от меня добро.

Никак не могут золотое солнце, ясный месяц и толстогубый ветер между собой столкнуться. Каждый стоит на своем! Долго они спорили и, наконец, решили спросить у человека: кто из них ему нужней?

Вот, видят, идет по дороге человек. Остановили его солнце, месяц и ветер и все в один голос спрашивают:

— Скажи нам, человек, кто из нас тебе всех нужней, кого из нас ты главным считаешь, по правую руку с собой за стол сажаешь?

Выслушал их человек, почесал за ухом и несмело посмотрел на солнце. Яснее краснолицее солнышко блестело точно золото. Оно показалось человеку добрым и пригожим.

Потом человек посмотрел на месяц. Месяц был похож на добродушного старика. Ничего плохого и про месяц сказать нельзя было.

Потом человек обернулся к ветру, посмотрел на него и даже испугался: ветер нахмурился, лицо у него было злое.

Человек промолвил:

— Днем и без солнца светло, а ночью и с месяцем темно. Из вас троих мне нужней всего, пожалуй, ветер. Он работник, он и сеятель. Ветра я бы главным посчитал и с собой за стол по правую руку посадил бы.

— Ах, ты так!? — закричало солнце. — Ну, тогда уморю я тебя голодом.

А месяц закричал:

— Погоди же ты у меня, негодный человек! Я тоже кое-что на небе значу.

А ветер стал плясать да петь:

Я веселый буйный ветер,
Я главнее всех на свете!
Как подую, как завою,
Солнце облаком закрою!

Спел свою песенку ветер и сказал человеку:

— Не горюй, брат. Если тебе туго придется, я прилечу и выручу тебя.

Зашумел, засвистел и умчался вдаль.

Вот настало лето. Собрался человек на луг сено косить. А солнце как взялось припекать, сил никаких нет. Всю спину человеку сожгло. Он только пот утирает да помощи ждет.

И вот прилетел ветер-благотель, стал дуть изо всей мочи и солнце ругать.

Тотчас на лице у человека пот просох. Легче стало человеку. А солнце все не уступает. Тогда ветер согнал со всех концов тучи и закрыл солнце.

Скосил человек луг и хотел было ветра к себе в гости позвать. Да к ночи вышел месяц и лютый холод нагнал. Видит человек, — беда пришла: еще самое лето, а уже начались заморозки. Хватило холодом и горох, и пшеницу. Вот тебе, человек, и зови ветра в гости!

А утром как только взошло солнце, опять давай напускать жару, посевы сушить да тучи разгонять.

Все лето солнце с ветром боролись. Ветер дул-дул, да и надорвался. Не смог с солнцем справиться. А когда осень пришла, увидел человек, что в поле одни пустые колосья да сухие стебли торчат.

Понял тогда человек свою ошибку, поднял к солнцу и месяцу руки, стал у них прощения просить.

Солнце и месяц отвечают:

— Не говорили ли мы тебе? Что посеял, то и жни. Но скажи нам теперь, бестолковый ты человек, почему ты решил, что ветер главней всех?

Человек ответил:

— Когда вы спросили, кто из вас всех нужней и кого я бы рядом с собой за стол посадил, я рассудил так: солнце — оно как родная мать. Мать долго сердиться не может. Ведь она любит человека, как свое дитя. А месяц всем нам родной дедушка. Дедушка тоже долго сердиться не будет. А ветер — он злой. С ним лучше не ссориться. Вот почему я тогда ветер выбрал. Но теперь я вижу, что жестоко ошибся.

Понравился солнцу и месяцу ответ человека. Они его простили и с той поры помогают ему хорошие урожаи собирать. Недаром теперь днем за столом у человека самый дорогой гость — солнце, а ночью — месяц.

ПЕТУХ ПЕВУН-КУКАРЕКУН

Дети, детишки, горошинки-братишки, послушайте! На нашем дворе жили-были петушок и курочка. Петушка звали Певун-Кукарекун, а курочку — Куд-Кудахша. Всего у них было полно — всегда разное зерно, червячки и травка; ни в чем не было недостатка.

С утра до вечера Певун-Кукарекун с курочкой Куд-Кудахшей бродили, играли, землю ковыряли. Нагнув красный гребешок, говорил петушок:

— Кок-ко-ко-ка? . . . нашел червячка.

А курочка ему:

— Куд-куда, подай сюда. Сам не-глотай, половину мне отдай . . . Куд-куда!

Так Певун-Кукарекун с курочкой трудились, всегда всем делились, но об одном горевали и даже слезы проливали: не было у них деток-ребят, желтеньких цыпляток . . .

— Ку-ка-ре-ку! . . . У всех по сынку! . . . Когда я умру, кому

же достанется моя красная шапка да острые шпоры? — жаловался петушок.

Куд-Кудахша снесла яичко, да не простое — золотое, и высидела цыпленка: был миленький сыночек, как шелковый комочек, с грудкой белоснежной, ласковый и нежный... Петушок и курочка на него надивиться не могли.

Однажды мать цыпленка говорит:

— Куд-куда, куд-кудат, надо сыну имя дать. Назовем его Желтоносым, чтоб его боялись осы.

Отец цыпленка, Певун-Кукарекун, говорит:

— Нет, такое имя подходит лишь вороне. Если мы хотим, чтоб нашего сына боялись ястреб, лиса и вол, назовем его Дин-дол.

Куд-Кудахша, мать цыпленка, в ответ:

— Не помутилось ли у тебя в голове? Такое имя трудное сказать, таким именем только ругать.

Петух разозлился и, взмахнув крыльями, закричал:

— Ку-ка-ре-ку!.. Я так хочу! Пусть его имя будет Цип-цип.

Согласилась с этим и мать.

Но не успели они именины сына справить, не успели пива сварить, всех кур надиво напоить, как стряслась у них беда: злющий ястреб Острый Нос Куд-Кудахшу вверх унес...

Долго и жалобно пищал Цип-цип.

Надоело петушку Певун-Кукарекуну одному дома сидеть да сына кормить, жалеть. Скоро привел он к себе во двор мачеху — курочку Рябу. Не влюбила мачеха Цип-ципа.

Однажды под крылом курочки Рябы треснуло яичко и вылупился цыпленок. Дождалась и мачеха сына, голенького, некрасивого петушка.

Отец Певун-Кукарекун захотел своего второго сына называть Гроном, Дубом или Пионом, но курочка Ряба с ним не согласилась, другое имя ей все снилось.

— Куд-куда! Мой ребенок не простой, он ученый, золотой. От него я никуда. Куд-куда, куд-куда! Мой ребенок всех красивей, всех богаче и счастливей. Я не раз слыхала, в старину так бывало: куры по сто лет жили, потому что имена длинные носили. Я хочу, чтоб и мой сыночек долго жил, и даю ему такое имя:

Маленький цупу-лупу,
Златоносый о-ко-ко-ко,
Шелкоперый шиншка-тишка,
Храбрый, миленький мальчишка,
Скороножка тапу-тапу,
Хитренький кудак-кудаку,
Сын известного отца —
Птичьего двора певца
И пестрой курочки Рябы,
Славный, ласковый куренок,
Как жемчужина, цыпленок.

Петушок Певун-Кукарекун с этим хоть и согласился, но про себя ужасно злился:

— Пока такое имя громко скажешь — родишься, вырастешь и в землю сляжешь.

А Цип-цип, бедный сиротка, чье имя произнести кратко, много горя перенес. Как только мачеха Ряба хотела куда-нибудь ребят послать или Кукарекуну в работе помогать, она всегда Цип-ципа звала:

— Цип-цип, в хлев скорей беги! Цип-ципок, печку растопи!

И сам отец Кукарекун ленился выговаривать длинное имя младшего сына, а обращался к сиротке Ципу:

— Ко-ко-ко. . . Послужи, Цип-цип, отцу, найди ему лужицу. Подними-ка этот камень, мы червей поищем маме.

И уставший сиротка все по двору бегал, а сытый сыночек с длинным именем на солнышке грелся, ленился, пока однажды не провинился: потерял отцовскую трубку и долото. И вот за то отец решил его поругать и наказать, вскочил на забор и заорал на весь двор:

Маленький цупу-лупу,
Златоносый о-ко-ко-ко,
Шелкоперый шишка-тишка,
Препротивный шалунишка,
Иди, уши надеру.

Пока отец произносил такое длинное имя, сыночек убежал и в крапиву залез.

И вот однажды, когда Цип-цип сшибал клювом коноплю, из лесу лиса приползла. Если бы пышнохвостой попался в лапы птенец, был бы нашей сказке конец. Но Цип-цип крикнул, горло раздирая:

— Спа-а-си-ите! Погиба-а-аю!

Услышал петух Кукарекун голос своего сына и, вскочив на крышу, всему двору прокукарекал:

— Свины, овцы и собаки, собирайтесь все для драки. У кого острые зубы да быстрые ноги, — скорее в коноплянник. Лиса на Цип-ципа напала, Ципа нашего поймала.

Услышав Кукарекуна, быстро вскочила свинья:

— Хрю-хрю-хрю, я того не потерплю!

После свиньи заблеяли овцы:

— Ммм-ы пойма-ем, ммы пойммаем!

Но громче всех лаяли собаки:

— Гав, гав, ай, ай, ай! Лису живо догоняй!

Испугалась пышнохвостая и оставила Цип-ципа. Так спасли цыпленка-сиротинку, и он вернулся домой живым и невредимым.

Но воровка лиса, почуяв курятину, долго не дремала, на рассвете снова на двор прибежала.

Не увидев никого на дороге, схватила жирного сына курочки Рябы и... давай бог ноги!

Услыхав крик любимого сына, курочка Ряба кинулась его спасать, да как закудахчет:

— Свиньи, овцы в белых шубах, у кого быстрее ноги, у кого острые зубы, все бегите на подмогу. Лиса напала на

Маленького цупу-лупу,
Златоносого о-ко-ко.
Шелкоперого шишку-тишку,
На милейшего сынишку
Куд-кудако, куд-кудако...

Свинья хрюкнула:

— Хрю, хрю... Ничего не разберу...

Громко удивился пес:

— Гав, гав, ау, ау. Чего к нам пристала эта глупая курица? Я ничего не понимаю. Гав, гав...

Тогда петух Кукарекун пропел:

— Кукареку! Простите, соседи. Жена моя ошиблась:

Маленький цупу-лупу,
Златоносый о-ко-ко-ко,

Шелкоперый шишка-тишка,
Храбрый, миленький мальчишка,
Скороножка тапу-тапу,
Хитренький кудак-кудаку,
Сын известного отца —
Птичьего двора певца
И пестрой курочки Рябы,
Славный, ласковый куренок,
Как жемчужина цыпленок,
В лапы лисе попался.

Только сейчас все животные поняли, в чем дело.

Кинулись лису ловить да кричать, в ладоши бить да из ружей палить.

Но пока длинное имя петух Кукарекун выговаривал, лиса в лес убежала, только пятки засверкали.

И скоро от лентя О-ко-ко не осталось ничего...

А Цип-ципа-сиротинка вырос стройным как тростинка, на дворе его все любят, все ласкают да голубят.

ЛИСА КОРОЛЕВА

Выбежал заяц из темного леса на полянку, при-
нюхивается, во все стороны глядит, ушами поводит.
Кругом столько цветов, что в глазах рябит.

— Давненько я здесь не бывал, — думает зайчик. — Го-
нял меня волк, пугали меня собаки, весь я вылинял и облы-
сел... Зато теперь-то я, наконец, отдохну. Подкормлюсь да
сил наберусь. Шкурка у меня станет пышней, ноги резвей, ни-
кто не догонит.

Умылся заяц росой, забрался в поле и стал завтракать.
Потом еще клевером закусил, наелся хорошенько и лег по-
спать. Только задремал, как вдруг слышит:

— Чик-чирик, чик-чирик. Давайте спрячемся, молодцы!

И заяц увидел, как стая воробьев залезла в пшеницу.

От воробьиного разговора напал на зайца страх. Поднялся
он на пригорок, видит: стоит неподалеку парень. Шапка на
глаза надвинута, в руках метла.

Тут уж не до отдыха было. Испугался заяц, линияя шерсть на нем дыбом встала, взъерошилась. Прижал он уши, вскочил и как дал стрекача...

Нашел он свою жену, детей и стал жаловаться:

— Нет мне, горемычному, житья! Повсюду искал я себе пропитания. В одном месте — все хорошо, да собаки могут учуять. В другом тоже не плохо, да люди слишком близко. В лесу — горе, волка берегись! А сейчас нашел как будто в поле неплохое местечко, да едва шкуру унес: стоит в пшенице человек с большущей метлой в руке и по сторонам озирается.

Ничего лучшего не придумав, на другое утро побежал заяц на то самое поле. Смотрит, а там тот же человек стоит.

— Ну, — думает зайчик, — посмотрим, кто кого перехитрит! Не век же ты будешь здесь стоять! Скоро ты проголодаешься. Вот тогда-то я и приведу сюда свою жену и ребят. Пусть покормятся.

Долго ждал косой. Уже и рассвело, и обед прошел, и сумерки настали, а человек все стоит — не шелохнется.

Тут поднялся сильный ветер и заяц вдруг увидел, как человек с метлой взмахнул руками и растянулся во весь рост. Худые ноги из-под штанов торчат. Страшно стало зайчику.

— Вот тебе — не есть! Смотри, так и вовсе подохнешь с голоду.

• Забрался заяц в пшеницу, смотрит, что дальше будет. Скоро прибежал мальчик, поднял человека, надел ему шапку на глаза и сунул в руки метлу.

— Ага, — усмехнулся зайчик, — вот ты какой слабосильный. Сам даже встать не можешь!

И тут заяц увидел такое, что и поверить нельзя: мальчик

снял со странного человека голову, набил в нее сена, обратно на место поставил, привязал, приладил и пошел домой.

Тут только длинноухий понял, что напрасно он боялся. Перед ним стояло самое обыкновенное пугало. Он побежал рассказать об этом жене.

Прибежал в лес и еще издали услышал плач: жена кинулась к нему со слезами. Оказывается, пока зайца дома не было, пришла лиса к зайчихе, расхвалила маленьких зайчат и стала просить: отпусти, мол, их со мной погулять. Хитрая лиса обещала научить зайчат читать, писать и по деревьям лазить. Да, видно, сговорилась с волком, — увела ребят в лес и поминай, как звали. Пошла зайчиха ее искать и нашла только косточки своих детей. Потом она видела издалика, как волк с лисой в обнимку шли по лесу.

Стал заяц жену утешать:

— Не плачь, зайчиха, я лисе отомщу.

Побежал он в лес, потом забрался в поле, обшарил все кусты. Повсюду искал лису. И, наконец, нашел рыжую воровку. Она сидела в укромном месте и гусем лакомилась.

— Здорово, лисичка-сестричка! — нарочно веселым голосом сказал заяц. — Пришел я к тебе с хорошими вестями.

— Что скажешь, косой? Видно, опять от человека удрал?

— Что ты! Я ведь прибежал к тебе сказать, что я теперь человека ни капельки не боюсь. Теперь все люди такими трусами стали, что я к любому из них на шею вскочу, да хвостом его по носу смажу.

— Все-то ты врешь да похваляешься, косой!

Заяц обиделся:

— Если я вру, то ты, кумушка, воруешь. Если ты мне не веришь, пойдем со мной, сама все увидишь.

Зарыла лиса гуся и поплелась вслед за косым. Она несколько не верила его словам, но пошла за ним из любопытства.

Скоро оба они забрались в пшеницу. Заяц, как заправский удалец, приблизился к человеку, подал ему лапу, потом подпрыгнул и смазал его хвостом по носу. А лиса издали смотрит и только дивится такой отчаянной заячьей храбрости.

Немного погодя, она сама осмелела, тоже приблизилась к человеку и провела хвостом по его ногам. Человек не шевельнулся.

— Знаешь что! — вскричал заяц, — хочешь быть королевой зверей?

Лиса наострила уши. А заяц продолжал:

— Чем волк лучше тебя? Разве у него хвост пышнее твоего? Разве его шуба дороже твоей? Разве он быстрее тебя? Напрасно мы его вожаком выбрали! Он только наш род губит. Вот ты, лисанька, ты совсем другое дело. У тебя нарядный хвост, ты ловко бегаешь, ты такая хитрая и умеешь красно говорить. Нет, ты — настоящая красавица!

Заяц превозносил лису до неба. Расхваливал ее ноги, уши, глаза, шерсть, зубы. А кумушка только облизывается и пышный хвост распускает.

— Ты прав, сосед! Но кто захочет меня выбрать в королевы. Посмотри на осла, на медведя, на барсука — они сами в короли метят.

— Не болтай попусту, — отозвался заяц. — Я сделаю так, что все тебя выберут. Видала ты этого человека в пшенице? Соберем завтра всех зверей и объявим, что нашлась смелая лиса, которая человека не боится. Смажешь этого труса ра-

зок-другой по носу хвостом, и тотчас же все звери да птицы за твою смелость выберут тебя королевой.

— Как ты хорошо говоришь! Не знаю, чем тебя и наградить, — сказала лиса. — Будешь у меня лесным старостой. Я тебе домик в лесу поставлю.

— Ладно, ладно, кумушка — не по мне такая честь. До свидания. Побегу к жене. А по дороге всем, кого встречу, скажу о собрании зверей.

Простился заяц с лисой, побежал было к лесу, но на полпути к деревне, у пшеничного поля увидел он мальчика.

Оглянулся косой и несмело подошел к мальчику:

— Добрый человек, если ты мне худа не сделаешь, я тебя научу, как завтра лису поймать!

И заяц объяснил, что надо сделать мальчику. Мальчик поблагодарил его и обещал сделать все, как заяц велел.

А рыжая лиса всем объявила о собрании. Всю ночь она не могла заснуть. Она уже видела во сне королевскую корону на своей голове. Ей снилось, что зайцы несут ее пышный хвост, как шлейф королевы. А свиньи, ослы и гуси низко кланяются ей... Она все думала и прикидывала, кого на какую должность назначить. Заяц — как обещала, даст место лесного старосты. Он будет носить саблю и шпоры. Рысь она назначит курьером, петуха — придворным певцом, гусей — музыкантами, собаку — начальником дворцовой стражи, кошку — мясником, ворону...

Не успела лиса распределить все должности, как вдруг услышала гул и шум:

— Кто скорее — гав-гав!

— Кто дальше — хрю-хрю!

Поняла она, что это звери спешат на собрание. Умылась

лиса чистой речной водою, еловой веткой расчесала шерсть, вычистила да распушила хвост и нацепила на него цветочков клевера. Ни дать, ни взять — настоящая королева!

„Звери только рты разинут, когда увидят меня, — подумала кумушка. — Того и гляди, осел опять начнет ко мне свататься. Нет уж! Я себе выберу жениха ловкого да быстрого. Моим мужем будет прекрасный, длиннорогий олень.“

Принарядилась лиса, приукрасилась, распустила свой хвост и отправилась на собрание. По дороге клевер склонял перед ней свои головки и поздравлял ее:

— Будь здорова, королева! Будь здорова!

— Желаем счастья! Счастья! — шептали синие васильки. Пчелы и бабочки с песнями провожали ее, точно свита. Муравьи почтительно уступают ей дорогу и даже конь на холме улыбался, глядя на длиннохвостую.

И вот на поле собралось видимо-невидимо зверей и птиц. Все приветствовали лису. Она поклонилась. Сейчас она покажет всему миру, что она не боится человека и достойна быть королевой.

Лиса приблизилась к человеку, который стоял посреди поля, и смело ткнула его мордочкой в ноги. При виде такой храбрости, все звери закричали:

— Валио! Валио!¹ Да здравствует! . .

— Слушайте! — закричал заяц, — слушайте все звери и птицы! Сейчас лиса хлестнет человека по носу. Вы все увидите, что она достойна быть нашей **королевой**.

Лиса поднялась на задние лапы и хотела было мазнуть хвостом человека по носу. Вдруг человек ожил, бросил метлу

¹ Ура, ура!

и схватил лису за хвост. Та заметалась изо всех сил, стала вырываться, да не тут-то было!

— Братцы, спасите! — закричала лиса.

— Га-га-га, — захохотали гуси.

— Гав-гав-гав, — так тебе и надо, — откликнулись собаки.

— Карррр-карррр-карр-олева! — смеялись вороны.

А лиса все вопила:

— Братцы, светики! Зайчик-староста! Ослик, петушок, спасите!

Но никто не стал спасать лису.

Прибежал мальчик с ней домой. Тотчас и купец нашелся. Он дал хорошую цену за лисью шкуру.

Волк про себя думал.

— Когда сдерут с королевы шкуру, мне пожалуй, достанется кусочек мяса.

Собака лаяла:

— Гав-гав, а мне косточки!

Ворона каркала:

— Кар, кар, и мне кусочек перепадет!

А заяц сидел с женой у себя дома и говорил:

— А мне ее жалко! Я ей зла не желал, хотя она и частенько обижала нас.

КАК ОСЕЛ ЛОПОУХИЙ СУДЬЕЙ СТАЛ

Дрослышал осел, что есть такая страна Гитлерия, где сам властелин ее животных опекает, вместо ослов и лошадей на людях ездит. Узнал лопухий, что сладкое там житье четвероногим, и отправился туда.

Встречает осла старый конь и спрашивает:

— Осел, братец, куда идешь?

Рассказал осел все, что знал про страну Гитлерию. Пришлось это коню по душе. Идут они вдвоем. Встречают по дороге козу. Седобородая спрашивает:

— Соседи, куда путь держите? По лицам вижу, что добрые вести несете.

Рассказали эти двое, куда они идут и что узнали о стране Гитлерии. Понравились козе их речи, вздумалось куцехвостой на свет поглядеть, в чужих краях счастья попытать, просится она в компанию. Идут втроем. По дороге встречаются собаку.

— Братцы четвероногие, куда так спешите, что всю пыль на дороге столбом подняли? — спрашивает рыжик.

Рассказали путники, куда направляются. Попросилась и собака в компанию.

И вот пошли вчетвером. Вдруг из канавы на дорогу прыгнул полосатый кот.

— Осел премудрый, куда ведешь такой отряд? Уж не свадьбу ли справляешь?

Долго не мешкая, осел объяснил коту, куда они идут и что про страну необычайную проведали. Пошел с ними и кот-охотник. Вот уже путешествуют впятером.

Откуда ни возьмись — муха летит. Села ослу на ухо и то-неньким голоском спрашивает:

— Скажите, не в гости ли вы идете, или, может, мед делить торопитесь? Позвольте и мне хоть в маленькую капельку свой хоботок окунуть.

Рассказали ей животные, что не мед они ищут, а в такую страну направляются, где сам властелин той страны животных опекает.

Напросилась и крылатая в компанию.

Много дней они шли, пылью-грязью покрылись, измучились, пока, наконец, добрались до края желанного. Стали на перепутьи и друг дружке крепкое слово дали: ровно через год на этом месте — живые ли, мертвые ли — всем им собраться.

Осел в одну сторону свернул, конь в другую, коза в третью. собака с котом повернули к ближайшей усадьбе, а муха, почуяв запах супа, опустилась на стол к обедающим.

Через год на условленное место прибрела собака, да такая тощая, с одного боку лупленая, с другого — дранная. Так она пере-менилась, что когда вслед за ней приплелся кот, то он еле

узнал ее. А третьим, едва ноги волоча, куцым хвостом стриженным покручивая, конь притащился. Четвертой пришла коза, но уж на козу мало похожая — безрогая, безбородая. Муха такая обсосанная прилетела, что ее уж и мухой, пожалуй, не назовешь. Последним пожаловал осел. Видно, лопоухому только и жилось сладко — такой жирный отъелся, такие бока нагулял.

Первым начал рассказывать конь:

— Братцы! За весь этот год я только то и видел, что все не евши ходил: не сеном, а какой-то тиной болотной кормили. Овса только разок подсыпали, да и тот был пополам с галькой, даже зубы обломал. Железные подковы с меня сразу же содрали и деревянные прибили. Каждую неделю мне хвост укорачивали, стригли, пока до самой репицы не обрезали.

— Мало ты видел, мало испытал! — прервал коня кот. — Сотни кладовых я облазил, сотни лавок мясных обошел и такие чудеса видел, что и не поверишь. Колбаса у них — одна хитрость и обман: надуют в кишку воздуху, приправят перцем, луком — вот тебе и ешь. Изголодавшись, попробовал я там в главном городе мышей ловить. Да не тут-то было: все мыши там в казенную книгу записаны. Поймаешь хоть одну, съешь — год в тюрьме просидишь.

Тут коза жалобно вздохнула:

— Ме-ке-ке! Не лучше и мне пришлось. Куда ни пойду, куда ни забреду, все меня доят да доят. На шею мне бумажку повесили: дескать в день я должна три раза парное молоко давать. Каждую неделю шерсть с меня стригли, бороду наголо подстригли. Рога отрезали, да еще в лицо наплевали. А свежей травки ни разу не пощипала, нигде ее и не видала. Где

только лужок — везде солдаты шагают, травку-былинку топчут, земля стоном стонет.

Отозвалась собака облезлая, прибитая:

— В болото бы этой стране Гитлерии провалиться! Я еле ноги унесла оттуда. Сто хозяев сменила, нигде даже косточкилизать не довелось. Все кости там в муку перетирают, той мукой ворон кормят, тех ворон там люди едят, а тех людей там под пулю шлют. Ухватила я раз кусочек хлеба, но и хлеб там из опилок испечен, не маслом, не салом, а крапивным варевом мазан. Он у меня в горле стал и теперь еще торчит. В одном городе наложили на меня штраф — зачем без паспорта хожу, почему, вишь, ушной и зубной подати не плачу, почему не в ту сторону хвостом виляю. Схватили и стали меня брить, кожу сдирать. Как услышала я, что мою кожу на барабан хотят натянуть, — еле живая удрала. Когда добрым людям пожаловалась, они мне сказали: «Ну, животных еще наш властелин опекает, но если бы ты видела, что он с людьми делает!» Однако я уже и глядеть не захотела.

Муха еле слышным голоском пропищала:

— Бывало, в своей стране, если попадешь кому-нибудь в миску, тебя подберут и с варевом выплеснут. Наешься, да еще и соседок угостишь. А тут, когда я ненароком в миску к одному мошеннику попала, он меня всю обсосал, облизал и только тогда вон выбросил. Так обсосал, что я еле жива осталась — и с пустым животом сюда прилетела.

— А я, — гордо сказал осел, — не могу на эту страну пожаловаться. Как увидели, что я хорошей породы, чистой крови, доктора Гитлерии тотчас меня в почетную книгу вписали, грамоту с моим портретом выдали и назначили судьей города Брудершнапса. Работа нетрудная, думать и рассуждать не

приходится, только знай кричи «Хайл», да копытом лягай, зубы людям ломай...

Конь, собака, коза и муха распрощались с важным ослом, судьей города Брудершнапса, и ну бежать из страны Гитлерии, куда глаза глядят — только пыль столбом поднялась...

ПРАЧКА И ГРАФ

Однажды работницы из поместья полоскали на озере белье и разговаривали меж собой:
— Я пойду только за высокого и голубоглазого, — сказала одна.

— А я выйду только за богатого, — говорит другая.

А самая младшая и самая красивая сказала:

— Пусть меня золотом осыплют, в шелка разоденут, все равно я за старого да немилого не пойду.

— Рассказывай! — засмеялись подружки. — А если бы наш граф посватался за тебя?

— Лучше умереть, чем с такой корягой жить. Не нужны мне все его богатства!

Тут, как нарочно, вдоль озера шел граф вместе с тиюном. Подслушал граф разговор прачек и сказал тиюну:

— Завтра приведешь ко мне во дворец эту нищую гордячку.

На другой день граф достал из шкафа одежду своей умершей жены, шелка, янтарные ожерелья, золотые браслеты, дорогие серьги. . . Разложили слуги сказочное богатство в большой зале дворца. Привел туда тиюн молодую прачку. Старый граф показал ей шелка, золото, камни и говорит:

— Это твое приданое. Пойдешь за меня?

Девушка заплакала и говорит:

— Нет, барин, я только за милого пойду.

Рассердился барин, что простая крепостная девушка отвергла его богатства, его высокий род и сказал:

— Свяжешь ты мне к утру три пояса: один, как солнце, другой, как месяц, третий, как звезды. А если к сроку не сделаешь, я тебе голову отрублю.

Вышла девушка из дворца, пошла к озеру, горячими слезами обливается.

Услыхали жившие за озером лауме, как девушка плачет, и подбежали к ней:

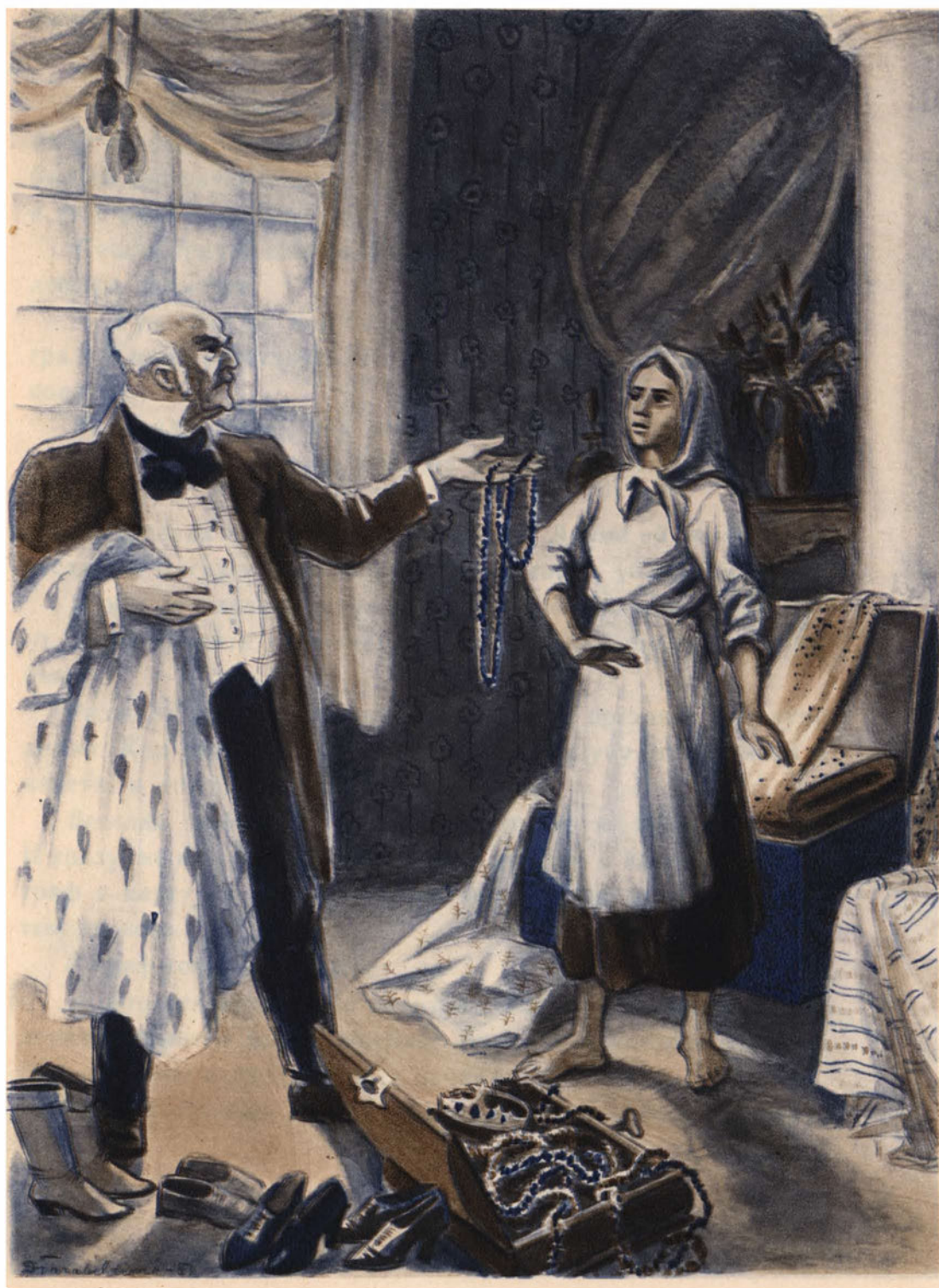
— Девушка, сестрица, чего ты плачешь? Почему так тяжело вздыхаешь?

Поведала им прачка о своем горе. Стали лауме ее утешать:

— Вот тебе мягкая подушечка, вот одеяло, вот сорочка. . . Спи сладко, не горюй.

Одна лауме ей постель стелет, другая песню запела. Убаюкали они девушку, и она сладко заснула. Утром она открыла глаза и видит: на ветвях ивы три пояса висят, в лучах утреннего солнца переливаются. Один пояс, как солнышко блестит, другой — как месяц, третий — как звезды.

Прачка обрадовалась и понесла пояса графу. Старый граф долго любовался красивыми поясами. Однако его суровое сердце не смягчилось.

— Доставь мне к утру такую карету, чтобы в ней на ходу было спереди светло, а за спиной темно. И чтобы ее можно было в ореховую скорлупку спрятать. А не привезешь к сроку, я тебе руки отрублю.

Пошла прачка еще больше опечаленная. Идет к озеру, руки ломает, вздыхает. .

— Рученьки вы мои белые, работницы вы мои умные, завтра я с вами расстанусь. Не смогу я ни кос заплести, ни руты полить.

Услыхали лауме, как девушка вздыхает, окружили ее и стали расспрашивать, о чем она рыдает, почему белые руки ломает.

Рассказала им прачка о своем горе. Лауме ей волосы расчесали, в мягкую постель уложили, песнями убаюкали. . .

Утром прóснулась девушка: перед нею пышная карета стоит. Пара коней в упряжке; кони золотыми подковами землю бьют.

Разжала девушка ладонь, а на ладони ореховая скорлупа лежит. Как только солнечный луч на скорлупу упал, мигом и карета, и лошади в скорлупе очутились.

Веселая побежала девушка к графу и разжала руку. И сразу же из скорлупы выскочили лошади с каретой. Уселся граф в карету и поехал. Видит: впереди светло, а за спиной темная ночь.

А граф говорит девушке:

— Это все колдовство нехитрое. Если ты и впрямь такая ловкая, принеси мне волшебное зеркало, в котором я бы и свое прошлое и свое будущее увидел.

Что тут станешь делать? Вышла прачка опять к озеру,

опять плачет и вздыхает. Услыхали лауме девушку, скользнули по озеру, точно по льду, окружили бедняжку и стали утешать.

Рассказала девушка о своей горе, о прихотях барина. А лауме ей говорят:

— Трудную загадку загадал нам твой барин на этот раз. Но ничего. Мы так сделаем, что он от тебя отвяжется.

Постелили лауме девушке постель, убаюкали ее. . . Утром она встала, смотрит: рядом с ней блестящее зеркало лежит, и солнце и звезды в том зеркале отражаются.

Отнесла она графу зеркало. Вытаращил он жадные глаза, уткнулся в зеркало носом и закричал:

— Эге, вот мой дядя с королем в карты играет! Вот мой братец с королевой разговаривает! Весь свой высокий благородный род вижу. Теперь я хочу свое будущее увидеть.

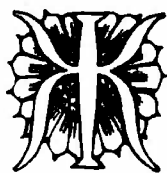
Как только барин эти слова вымолвил, он увидел себя в зеркале висящим на суку. В сердцах бросил барин зеркало о камень и разбил его вдребезги.

С той поры оставил он прачку в покое.

БАРСКИЕ ПОСУЛЫ

Жил в одной стране барин — плут большой руки. Своих слуг он всячески обманывал и обсчитывал. А одному молодому, веселому работнику он даже три года подряд жалованья не платил.

Шел однажды этот работник по берегу реки и повстречал прохожего.

- Откуда идешь? — спросил работник.
- Оттуда, где дорога начинается.
- А пловучий камень видал?
- Видал. Камень плывет, а на нем жернова лежат и не тонут.

— Ну ладно. Вижу, ты парень не промах. Будем товарищами. Пойдем мы с тобой к нашему продувному барину. Первым я войду. А ты подслушивай, как я с баринком толковать буду. Будешь знать, что потом самому говорить.

Прошел работник к барину и сказал:

— Барин, ты мне три года жалованья не платил, хоть бы пива поднес.

— Нет у меня пива, — ответил барин, — ячмень нынче не уродился.

Работник, зная, как жаден и глуп его барин, сказал:

— Был я недавно у родных, в имении барина Алдадрика. Вот я видел там ячмень, так это ячмень! Из одного колоса двенадцать бочек пива наварили.

— Не может быть! — крикнул барин. — Сейчас пошлю слугу проверить, правда ли это.

Вот пошел слуга и встретил товарища этого парня:

— Откуда ты, добрый человек?

— Оттуда же.

— Не знаешь, какой там ячмень был?

— Чего не знаю, того не знаю. Как пиво варили, я не видал. Зато я видел, как ячмень рубили. Десять мужиков топорами три дня его рубили.

Дал слуга тому человеку десять гривен, чтобы он в имение пошел и барину все своими словами пересказал. Вернулся слуга в имение, барин и спрашивает:

— Правда ли, что ячмень такой уродился?

— Истинная правда, барин. Вот я даже свидетеля оттуда привел.

Хочешь, не хочешь, а пришлось барину уступить. Для того, чтобы скорее избавиться от непрошенных гостей, он сказал работнику:

— Приходи через год. Я тебе жалованье капустой отдам.

Парень ушел. А через год он передел своего товарища в женское платье и пришел с ним в имение к барину. Сам впереди идет, а товарищ сзади плетется.

— Ну, барин, пришел я за свою работу капусту получить, — говорит парень.

— Нет у меня в этом году капусты, не уродилась, — развел руками барин.

— А в той стране, где я сейчас был, у одного барина такая капуста уродилась, что из одного кочна двенадцать бочек нашинковали.

— Не может этого быть! — вскричал барин. — Пошлю слугу посмотреть.

Пошел слуга и встретил человека, переодетого женщиной.

— Откуда ты? — спросил слуга.

— Оттуда же.

— А какая там капуста уродилась? Велика ли?

— Не знаю, я не была, когда капусту солили. Только я видела, как двенадцать лошадей одну кочерыжку везли.

— А что из нее сделали?

— Через реку перекинули и мост сделали.

Слуга говорит:

— Вот тебе десять гривен за то, что ты мне путь укорачиваешь. Пойдем к нам в имение. Там барину все расскажешь.

Вернулся слуга в имение, а барин спрашивает:

— Правда ли, что капуста такая уродилась?

— Истинная правда, барин. Вот я оттуда женщину привел.

— Ладно, — сказал теперь барин работнику. — Приходи на другой год, может куры будут хорошо нестись, я тебе яйцами долг отдам.

Ушел парень. Весь год он кое-как с товарищем промаялся. А как настала весна, пошел снова к барину. Сам впереди шагает, а его товарищ с накладной бородой сзади идет.

— Как куры, барин, несутся?

— Плохо, ни одного яичка не снесли. Нечем было кормить.

— А я был в такой стране, где кур звездами кормят.

— Не может быть! — удивился барин. — Пошлю слугу проверить.

Пошел слуга, встретил бородатого человека и спрашивает:

— Откуда ты?

— Оттуда же.

— А ты не видал кур, которые звезды клюют?

— Кур я таких не видел. Зато видел, как три мужика одно яйцо на сковороду вкатывали.

Слуга дал бородачу десять гривен и велел ему все это барину рассказать. Когда слуга вернулся, барин спрашивает:

— Правда ли про кур?

— Истинная правда, барин. Там куры не только звезды клюют. Они такие яйца несут, что трое мужиков еле-еле одно яйцо поднимают. Вот я и свидетеля оттуда привел.

Видит барин, что трудно ему будет от работника отвязаться и говорит:

— Приходи через год. И Расскажи о самом большом дураке, какого только найдешь. Тогда отдам тебе долг.

Ушел парень, кое-как год прожил, а потом возвращается опять в имение.

Барин спрашивает:

— Ну, что хорошего видел?

— Весь год я странствовал, много диковинного повидал. В одной стране я видел: сидит человек без движения на опушке десять лет. Длиннящая борода его земли касается. А под подбородком и за ушами ласточки гнезда свили. Кругом народ толпится, на дурака любитесь.

— Зачем же он сидит? — спрашивает барин.

— Хочет разжалобить черствое сердце своего барина. Тот ему, бедняге, десять лет за работу не платил.

— Почему же люди считают этого старика дураком? — спросил барин.

— Потому, что он от бар надеется правды дожидаться.

Понял тогда барин намек работника и велел слугам гнать его взашии из имения.

Посулы барина — что подстилка в хлеву. Барская правда — всегда тощая.

ШУТОЧНАЯ СКАЗКА

Дочка моя вышла замуж и пригласила меня к себе в гости. Я граблями волосы расчесала, ноги жиром смазала, в холстину нарядилась, тряпкой голову повязала и отправилась.

Меня в гостях очень хорошо приняли: за стол посадили, колбасным запахом угостили, из пустого кувшина напоили, на веревку спать положили.

На другой день посадили меня на телегу из репы, запрягли восковую лошадь с конопляным хвостом, разными подарками одарили и домой проводили.

Еду я домой веселая и довольная. Вдруг, откуда ни возьмись, над моей головой закружился ворон:

— Кра, кра, подари мне, тетушка, черную юбку. Меня в сваты зовут, а одеться не во что.

Как тут быть? Подарила я ему черную юбку, еду дальше.

Немного проехала, слышу: «кар, кар, кар». Смотрю — ворона летит:

— Подари мне, тетенька, серую телогрею. Мне на свадьбе сватьей быть, а нарядиться не во что.

Подарила я ей телогрею — неловко было отказать. Еще немного проехала, слышу: чик-чивик. Летит рядом с телегой ласточка:

— Тетенька, дорогая, подари мне ножницы. Надо невесте одежду скроить, а нечем.

Отдала я ласточке ножницы. Та их за хвост заткнула и зачирикала — меня благодарит.

Поехала я лесом, думаю: если дело и дальше так пойдет, вернусь я домой голая. Только успела подумать, слышу: — тук, тук, тук. . . Смотрю, на елке дятел сидит. И говорит он мне:

— Тетушка моя милая, подари ты мне пестрый пиджак. Сегодня у меня свадьба, а одеть нечего.

Как жениху отказать! Подарила я дятлу пиджак.

Еду дальше. А у дороги береза стоит, словно дожидается кого-то. Увидела меня, наклонила свою кудрявую голову и говорит:

— Подари мне, тетенька, белый платок.

Как только я березу белым платком повязала, стала она белая, белая. . .

Так я все и раздала. Еду, трясусь в телеге, вдруг слышу — зовут:

— Тетенька, поди сюда!

Гляжу — пастухи свиной пасут и у дороги костер развели. Слезла я с телеги, села у огня, греюсь. Вдруг вижу, подожгли пастухи конопляный хвост моей лошадки, а от хвоста разго-

релась, растаяла и вся восковая лошадка. Той порой свиньи сожрали мою тележку из репы. Осталась я не при чем.

Был у меня еще рожок с медом. Да я его сосала, пока весь не высосала. Вот там на доньшке еще осталась капелька — это вам от меня гостинец.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дурочка и лауме	3
Медвежья лапа	11
Три сиротки	14
Золотая яблоня	17
Как месяц звезде поклонился	21
Человек, Чорт и Гром	26
Чудесный родник	31
Серебряная пуля	38
Мужик и барин	45
Железный палец	52
Шестеро Беззубых и один Косоглазый	57
Хитрый Ромас	62
Как крепостной Стяпас господина Фрица лечил	67
Стракалас и Макалас	71
Как дятел ель рубил	76
Горбунок - музыкант	80
Про буйного быка	86
Солнце, месяц и ветер	91
Петух Певун - Кукарекун	95
Лиса королева	101
Как осел лопухий судьей стал	108
Прачка и граф	113
Барские посулы	117
Шуточная сказка	122

Редактор Я. Тайц
Технический редактор Ч. Вышомырскис
Корректор М. Белинскае

Подписано к печати 1952.III.22. ЛД04440. Тираж 75000 экз. Бумага
82×108 1/16 — 4 бумажных — 13,12 л. + 12 вкл.; 4,38 авт. л.; 6,5
уч.-изд. л. Издательский № 1206. Отпечатано в типографии им.
К. Пожела, Каунас, ул. Пушкина, 11. Заказ 725. Цена 6 руб. 70 коп

Larisa_F

